

Галина
МУРСАЛИЕВА

шлем безопасности
ребенку в Интернете

ДЕТИ В СЕТИ

журналист
и автор
статьи года
в «Новой газете»
(более 2,5 млн
просмотров)

MustREAD
для родителей
каждого
подростка

18+

Галина Мурсалиева

**Дети в сети. Шлем безопасности
ребенку в Интернете**

«АСТ»

2017

УДК 159.9
ББК 88.5

Мурсалиева Г.

Дети в сети. Шлем безопасности ребенку в Интернете /
Г. Мурсалиева — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-099388-8

Мы всегда боимся за своих детей: когда они не отвечают на телефонные звонки, опаздывают или поздно возвращаются домой... Но что подстерегает подростка в свободном плавании по просторам Интернета? Вы никогда не узнаете, играет ли он в простые компьютерные игры или в игры сети, которые смертельно опасны в реальности... Перед вами – результат независимого журналистского расследования о том, что поджидает подростков в сети. Помните, у вас всегда есть возможность предотвратить беду – научитесь читать знаки, подсказывающие, что на вашего ребенка морально воздействуют, и помогите ему выпутаться.

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-17-099388-8

© Мурсалиева Г., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Бросьте все и читайте!	6
Благодарности	7
Часть первая	9
Вместо пролога	9
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Мурсалиева
Дети в сети
Шлем безопасности
ребенку в Интернете

Издано в авторской редакции

8-800-2000-122 – Единый общероссийский номер детского телефона доверия. Анонимная психологическая помощь для детей, подростков, родителей. Бесплатно со стационарных или мобильных телефонов.

© Мурсалиева Г.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Бросьте все и читайте!

Этой книгой и газетным материалом, который лег в ее основу («Группы смерти», «Новая газета» № 51 от 16 мая 2016 года), Галя Мурсалиева совершила подвиг. Галя совершила его не одна – а с экспертами, волонтерами и, конечно, родителями погибших детей. Они объединились в добровольную службу выяснения причин и обстоятельств суицидов подростков.

Многие из родителей, переживших трагедии, безжалостно анализировали свои поступки и скрупулезно, мучительно, на грани возможностей человека, восстанавливали все обстоятельства, приведшие детей к уходу из жизни.

Добровольному или искусно смоделированному? Вы найдете в этой книге жесткий, доказательный ответ.

Его еще не было в знаменитом Галином тексте, который прочитало несколько миллионов человек (только в газете около трех миллионов). Чего скрывать – тогда редакция очень торопилась – мы хотели даже с некоторой судорожностью попытаться предотвратить назначенные на определенные даты смерти. И это удалось.

В этой книге, уже куда более основательной, вы найдете прямые доказательства того, как на прекрасных и ранимых подростков давили модераторы «групп смерти». И эти действия в ходе экспериментов подтверждены.

Подвиг людей, создавших ту публикацию и эту книгу, не только в том, что родители повернулись лицом к своим детям, изумленно поняв, какую, полную драматизма, жизнь они ведут.

Подвиг их и в том, что Галя и ее помощники выдержали беспрецедентную, наглуемую, невыносимую травлю.

Самоназначенные судьи обвиняли Галю в том, что она этой статьей хочет заблокировать вначале «ВКонтакте», а потом и Интернет в целом.

Галю осыпали отвратительной бранью, оскорбляли ее, родителей погибших подростков. Приписывали тексту несуществующую в нем теорию заговора.

Мы долго не знали, как помочь Гале выбраться из этой боли, из расчетливого менеджмента трагедий и от взбесившейся, не хуже принтера, френдленты. Я видел, как на глазах владельцы уютненьких аккаунтов превращались в лютую стаю, забивающую всех, кто сопротивляется «общему тренду». Гале и ее коллегам выпало тяжелое испытание – вырваться из своры и не побояться идти против «своего круга».

Оно того стоило. Только в первые дни после публикации на краю крыши удержали трех детей. Потом рассказывали о десятках, но я вижу тех троих, которые, уже швырнув вниз свои куртки, смогли спуститься вниз из бездны этих чердаков. В последнюю весну этого года.

*Дмитрий Муратов,
главный редактор «Новой газеты»*

Благодарности

Тема этой книги началась для меня со знакомства с удивительным человеком, легендарным следователем 1990-х (*он стал знаменит после расследования убийств, связанных с преступными группировками, серийным убийцей, и многих других резонансных дел*), поэтом, автором сценариев и консультантом многих детективных фильмов – **Дмитрием Плоткиным**.

Я благодарна прежде всего ему – с его письма в редакцию «Новой газеты» о серии странных смертей подростков в Рязани, которых объединяли в социальной сети группы, призывающие к суициду, все и началось. Все то время, что я находилась в Рязани, мы были с ним вместе: дома у родителей погибшей девочки, на подъездном балконе высотки, с которого она сорвалась, на встрече с другими родителями детей, ушедших из жизни при таких же обстоятельствах. Мы были с ним вместе, но уже только по телефону, и когда я вернулась в Москву – продолжали обговаривать новые повороты темы, которые прежде не видели, строили версии, проверяли их. Он меня все время торопил: «Фактов хватает, давай уже, – действует ОПГ! Пиши скорее... Надо, чтоб все подобные дела в стране объединили в одно и за дело бы взялись централизованно, срочно».

Ситуация для меня была зажата в тиски двух необходимостей: с одной стороны, нельзя было сдавать текст, не понимая до конца, как работает этот чудовищный механизм доведения детей до суицида через Интернет, мне не хватало еще некоторых деталей и подробностей. С другой – это не было работой над материалом, который ты пишешь по факту уже свершившихся событий – события развивались в режиме реального времени – дети уходили из жизни один за другим, и у каждого из них на их страничках в соцсетях были те же «группы смерти». Поэтому, услышав и поняв меня, главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов и его заместитель Сергей Соколов приняли решение еще на этапе подготовки публикации отправлять всю важную информацию, связанную с угрозой жизни детям (по мере ее поступления), в следственные органы. Так мы и поступили – это было единственное возможное и правильное решение.

Но оно в итоге вынудило моего главного эксперта, когда текст был уже практически сверстан и до подписания номера с его публикацией оставались считанные часы, обратиться ко мне с просьбой: «Убери меня отовсюду, у нас возникло недоразумение, пока вынужден покинуть поле боя».

Как выяснилось позже, Москва в срочном порядке запросила дела погибших в Рязани детей, и, видимо, произошли еще какие-то события, из-за которых началось невероятной силы давление на Дмитрия Плоткина: «Что ты вечно поднимаешь шум, из-за тебя мы всегда в центре всех проверок», и т. д. Теперь же старший помощник прокурора Рязанской области Дмитрий Плоткин называть себя мне разрешил.

И восстанавливая справедливость, которая была нарушена в газетной публикации «Группы смерти», без него бы не состоявшейся, но в которой пришлось стереть все упоминания о нем, я хочу поблагодарить именно первым – Дмитрия Плоткина. Потому что и эта книга, в основе которой – газетная публикация, без него не была бы возможной.

Как не была бы также возможной без двух его удивительных земляков, сильных и мужественных Елены Давыдовой и Сергея Пестова, которые, похоронив своих детей, как только слегка оправились от горя, взялись за собственное расследование. Время летит быстро – был момент, когда всем казалось, что этих людей никогда и никто не услышит, что они выдумывают все про какие-то «группы смерти», потому что «сами виноваты». Но они не сдавались, не прекращали работу, не давали себе продыху – внедрялись в аккаунты опасных групп, приходили к следователям, буквально вынуждали их по никам определять местона-

хождение родителей детей, которым, по их данным, грозила опасность. К августу 2016 года в Рязани уже появился Центр «Спасение детей от киберпреступлений» (сайт <http://62ru.ru>), вокруг которого объединились десятки родителей погибших детей со всей страны. При помощи организации, стихийно возникшей буквально у нас на глазах, уже удалось предотвратить 33 суицида, в одном случае девочку удалось спасти в последний момент...

Конечно, эта книга не получилась бы без «Новой газеты» – без уже упомянутых главного редактора Дмитрия Муратова и его заместителя Сергея Соколова – моих вдохновителей и постоянных собеседников, подаривших возможность и бесценное время для создания книги. Я благодарю сотрудников редакции и авторов «Новой газеты», которые в той или иной степени меня поддерживали: Эльвиру Горюхину, Анечку Артемьеву, Костю Полескова, Лену Милашину, Дмитрия Быкова, Сергея Кожеурова, Виталия Ярошевского, Юлию Латынину, Ирину Гордиенко, Нину Петлянову, Олега Хлебникова, Леонида Никитинского, Андрея Липского, Ольгу Боброву, Лену Костюченко, Лешу Сухотина, Руслана Дубова, Люду Рыбину, Юлю и Алексея Полухиных, Наташу Чернову и многих других, практически всех.

Спасибо за вовремя сказанные слова, которые часто бывают, как ложка, «хороши к обеду», – я чаще всего вспоминаю совершенно потрясающий наш «телемост» с Ирой и Володей Умновыми, книга точно бы не появилась без этого многочасового ночного разговора.

Я хочу поблагодарить многих моих коллег, друзей и близких родных, а также экспертов из смежных областей, познания которых мне были необходимы: Тимура и Лилю Мурсалиевых, Айю Тимофееву, Сашу Швыдкого, Андрея Курпатова, Елену Рыковцеву, Ирину Воробьеву, Вику Чуткову, Наташу Савоськину, Оксану Лаврову, Ольгу Алленову, Арину Бородину, Леру Любимову, Елену Богущ, Лешу Кашеева, Чулпан Хаматову, Дмитрия и Леву Леонтьевых, Александра Покрышкина, Александра Асмолова, Елену Смирнову, Катю Чистякову, Виктора Кагана, Сашу Бабкину, Александра Кошкина, Леонида Кроля, Анну Ставицкую, Степана Киселева. Я понимаю, что могу неблагодарно забыть некоторых из тех, кто заслуживает благодарности, и заранее приношу им свои извинения. Но я точно не могу забыть, как Дина Корзун в самый трудный мой день рождения, когда книга «не шла», да и сама суть темы была выворочена наизнанку, спела мне из Лондона поздравительную песенку, от начала и до конца, – по телефону.

Я безмерно благодарна своей семье, которая не просто терпела с апреля по середину августа рядом с собой человека, у которого на уме были только смерти подростков, а превратилась в мобильный отряд деятельных помощников. Каждый наш совместный разговор превращался для меня в мощный интеллектуальный импульс и давал прилив большой творческой энергии.

И, конечно, я не могу здесь не сказать об удивительной армии волонтеров, которая образовалась у меня после выхода газетной публикации «Группы смерти», – молодых психологах, юристах, программистах, я даже не возьмусь здесь перечислить всех, кто помогал, – это перечисление может занять добрую половину книги. Спасибо им.

Часть первая Зазеркалье

Вместо пролога

Есть, наверное, смысл прежде всего поделиться с вами цитатой. Я все время держала ее в голове, когда работала над газетной публикацией, которую вы сейчас, в этой же части книги, сможете прочитать. Она – о зазеркалье, смертельной радиоактивной свалке, прикинувшейся детям «Лас-Вегасом». Туда подросткам, конечно же, хотелось зайти – все блестело и сверкало, крутилось, переливалось яркими разноцветными огнями. Море новой запретной информации, море взлетающих синих китов, море неизведанных будоражащих сильных впечатлений.

Зайти было легко – не надо отпрашиваться у родителей, ты дома, включил свой гаджет и ушел в ту часть пространства Интернета, где твоими чувствами и настроениями интересуются молодые, но взрослые люди – они тобой занимаются. Они – чужие взрослые, и им при этом вдруг почему-то важно, что с тобой происходит, – это такая редкость. Так хочется их поразить, чтобы они не утратили интерес именно к тебе. Они учат: вокруг тьма беспросветная, безнадега, «сотри случайные черты, и ты увидишь мир...» Что? Прекрасен? Забудь это слово, оно для «биомусора» – мир ужасен! Посмотри наше видео, послушай песни, почитай цитаты, лови! Слышишь: все великие говорили о смерти, суицид – это выход для избранных. Ты можешь стать избранным...

Вместе с родителями погибших детей я провела в этом зазеркалье месяц. А когда рассказала об этом в газете – на меня с совершенно неожиданной стороны выскочило зазеркалье № 2.

Цитата, которую я все время держала в голове, длинная, но ее не стоит ни сокращать, ни пересказывать. В зазеркалье сдвоенном она стала еще актуальнее: «...Жил-был злой-презлой тролль. Как-то раз у него было прекрасное настроение: он смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, но все ничтожное и отвратительное особенно бросалось в глаза и становилось еще безобразнее. Тролли носились с этим зеркалом повсюду... захотелось им добраться и до неба. Чем выше они поднимались, тем сильнее оно кривлялось, так что они еле удерживали его в руках. Но вот они взлетели совсем высоко, как вдруг зеркало до того перекорежило от гримас, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы, миллиарды осколков, и оттого произошло еще больше бед... Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали людям в глаза да так там и оставались. А человек с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи только дурное – ведь каждый осколок сохранял свойство всего зеркала. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Были среди осколков и большие – их вставили в оконные рамы, и уж в эти-то окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, и худо было, если такие очки надевали для того, чтобы лучше видеть и правильно судить о вещах...» (Ганс Христиан Андерсен. Снежная королева.)

Первыми разносчиками вируса осколков в зазеркалье № 2 стали представители части электронных СМИ, то есть именно те люди, кто так или иначе общественное мнение и формирует. Ужимки их, кривлянья и гримасы, замешанные на каких-то собственных, невыноси-

мых чувствах, комплексах, фобиях, местами даже параноидальных устремлениях, выплеснулись, выпали осадками (осколками) в публичное пространство.

Первая публикация на тему, прежде табуированную, о сложном, многомерном явлении, невероятно тяжелом по эмоциональной нагрузке, изложенная в редком объемном для газеты формате, – на восьми полосах, требовала как минимум какой-то рефлексии и как максимум – изучения, а потом – обдумывания. Но вирус ее обесценивания, отрицания самой сути явления вбросился (или выбросился?) практически мгновенно, громко, ретиво, бесстыдно и агрессивно. По законам джунглей – сначала ударь, потом получишь голос... трафики, лайки, деньги.

Ударили вполне себе грибоедовские «княгини марьи алексевны» и «первые парни» части модных тусовок Москвы, сетевые павлины. Тысячи подписчиков в Интернете давно уже делегировали им все права на собственное мнение. Они для них гуру.

И началось стремительное заражение: в публичном пространстве поселилось «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй...». Оно встало на границе с «зазеркальем № 1» и выдвинуло против посягательств на «группы смерти» сразу десяток пунктов (или пунктиков?) обвинений (или защит?) автору публикации. Топтало, рычало, винило, судило, лечило, учило, сетовало, советовало.

Родителям, похоронившим своих детей-подростков, выговаривало: «Вы и убили-с».

Глава 1 Вторжение

«...Если общество или класс лишены возможности использовать свои прозрения, потому что объективно у них нет надежды на изменение к лучшему, скорее всего, все люди в таком обществе настаивают на своих домыслах, поскольку осознание истины приводит к ухудшению их самочувствия».

Эрих Фромм, из книги «По ту сторону порабащенных нас иллюзий»

«...Отрицание – защита от той реальности, которая не вписывается в нашу картину мира. Жесткая интервенция «НГ» («Новой газеты»). – Г. М.) заставила смотреть в эту сторону. Ну и что же мы можем в ответ? В основном торжественно объявить, что факты, описанные в журналистском очерке, опасны для нас и детей. О наркотиках тоже долго молчали. Слишком уж радикальная отрыжка рунета, знаете ли, требует от нас всех найти объяснение произошедшему...»

Оксана Лаврова, психоаналитик, 20 мая в 12.28 (Из комментариев в Фейсбуке к обсуждению поста по теме «Группы смерти»)

«...Что дальше происходит в квартире № 50?.. Словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...»

Михаил Булгаков, из книги «Мастер и Маргарита»

Это все началось вечером в день выхода публикации, когда количество ее прочтений превысило миллион. Число перепостов в социальных сетях приближалось к этой же цифре, и шла невероятная волна благодарности и восхищения работой.

...Они выскочили, как мелкие хулиганчики: «А? Что? Наших бьют? Сейчас соберу своих». И пришли с битами – «да тьфу, ха-ха, – это никакое не расследование. Вот я за два часа во всем разобрался». (Стараюсь передать только смысл, опуская нецензурные выражения.)

В этой же лексике бывшего министра обороны РФ *Павла Грачева*, вошедшего в историю крылатой фразой, что он сможет взять *Грозный* «за два часа одним полком», следом изъяснились еще несколько человек: «Месяц Галина Мурсалиева разбиралась! Мне понадобилось всего 3 часа...», «а я вообще за час разобрался, делов-то... безобразная публикация».

Настаивая практически на том же – публикация плохая, ужасная, вредная, редактор «Медузы» Иван Колпаков в качестве одного из аргументов сообщил, что в его издании материал о суицидах готовился 6 месяцев и редактировался несколько недель.

– Ну как, правильно? – слышался мне голос за кадром, всегда забавно сопровождающий одну из передач «Эха Москвы».

...В отличие от стихийных бедствий в сетях возможно все, – все сразу и началось – камнепад, лавина, селевые потоки. Зеркало тролля разбилось.

Уже ранним утром следующего после публикации дня человек, с которым я не знакома лично, фикструет на одной из веток в Фейсбуке (просто глаз зацепился):

«В фб тренд – не доверять этой статье.»

Я – мама почти подростка, и читать это страшно. Даже если допустить, что преувеличено. Я вчера забила «кит» Вконтакте и увидела эти группы, много, в некоторых – 200 тысяч участников...»

Марьяна Романова

Знаете (или, может быть, помните), как обесценивали? Например, зеркально: «Эта публикация вся состоит из конспирологических ходов с элементами мистики». Если предложение продолжить вопросом «или публикация рассказывает о конспирологических ходах с элементами мистики, с помощью которых детей заманивали в «группы смерти» и подстрекали (подводили) к суициду?» – все сразу встает на место. По этой же модели легко выправляются еще очень многие утверждения, как будто вы подставляете липкую ленту и удивляетесь, разглядывая, сколько же сразу прилипло мух.

Ты рассказываешь о чудовищном, ужасном, манипулятивном, безобразном, диком пространстве, в котором детей на протяжении длительного времени (50 дней) пичкают крипастой, ввергают в состояние, которое уже не совместимо с жизнью. Тебе говорят – эта публикация – крипаста! Она чудовищная, ужасная, манипулятивная, безобразная, дикая. «Сама ду-р-р-ра, р-рр...»

Они правда рычали. По ощущениям моим это было похоже на момент, когда мы с фотокорреспондентом Сергеем Кузнецовым уже вошли в ворота и оставалось только пройти небольшую дорожку к дому «бренда» русского фашизма, Баркашова: «...Нас оглушили многоголосьем, захлебывающимся лаем. Мы прошли несколько шагов, ошеломленно оглядываясь. Справа, сзади и, кажется, вообще всюду клетки... Собаки яростно рвутся наружу. В какой-то момент мне кажется, что сила овчарская может оказаться мощнее клеток, и я тут же ускоряю шаг...»

Это 2006 год, тогда впервые и «зацвела пышным цветом» в публичном пространстве модель зеркальных антитезисных защит, только в связи с другой темой. (См. «Ультраправославные» <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/31n/n31n-s02.shtml>)

...Я рассказывала в публикации, в частности, «о судных днях», которые назначались детям «группами смерти» – «группы коллег» устроили реальные судные дни мне. Это было вторжение.

– А чего же ты хотела, ты же первой вторглась на их территорию, – сказал мне по телефону бывший коллега, давно ушедший из журналистики в бизнес.

– На чью?! – изумилась я.

По всем моим самым запредельным возможностям мыслимых представлений, я вторглась на территорию преступного мира. Да, это было вторжение – или интервенция. «Новая газета» вытащила на свет всю систему действий этих упырей, эмоционально дефективных ублюдков, затянувших в свои сети жизни детей. При чем здесь журналисты сетевых изданий?

– Интервенция была и на их территорию тоже. Ты просто срезала сук, на котором они сидели, разве это не понятно? Наступила на хвост интернетчикам, да и психологам, специалистам по детству, – они же, как я вижу, тоже присоединились, хоть и в меньшем количестве.

– При чем здесь их «сук» и «хвосты», они что, тоже подстрекали детей к суициду?!

– Нет, конечно! Посмотри на массу «войск», которые пошли мочить, подумай, кто их отправлял, скомандовал – «пора»? Вольно или не вольно, – не важно, окриком, вызовом, своим постом, кто это делал? Те, кто по профессиональным своим обязанностям должен был это все видеть и знать, должен был об этом говорить. Но все молчали. Не видели, не слышали или знали и молчали – опять же другой вопрос. Тема оставалась нетронутой. А тут вдруг ты наперерез – выскочила с таким убойным материалом, что замолчать проблему – ну никак. Включились все прожектора именно на их территории – мир буквально изменился прямо на глазах, посыпались заявления официальных лиц, возбуждились уголовные

дела. Замолчать уже нельзя, как сказала Латынина, это – гигантский результат – результат фильма о Чайке. (См. <http://echo.msk.ru/programs/code/1769120-echo/>) Я чуть руль не выпустил, ехал в машине. Но факт – в первые дни по количеству упоминаний с тобой сравниться мог только Путин. Повсюду это обсуждалось – во всех кафе и ресторанах, школах, вузах, офисах, в домах. Ну и что им оставалось, как не аннигилировать тебя?

«Аннигилировали» по нарастающей, с выискиванием каких-то «компроматов» настолько нелепых, что они не выживали, быстро исчерпывались. Если в первые два дня в социальных сетях, пусть и с зашкаливающей ненавистью, просто судили-рядили, то на третий состоялось заседание официального Верховного суда под названием «Медуза». Я намеренно ничего, кроме названия, не беру здесь в кавычки, потому что в головах довольно-таки большой части общества это все так и есть, – «Медуза» в самом деле какой-то верховный орган чего-то. «... Удивлен постом. Ты, вероятно, просто не в курсе, был уже разбор «Медузы» – именно так звучали комментарии к посту в Фейсбуке замечательного блогера, хирурга и поэта Леши Кашеева, который высказался о моей публикации и о том, что случилось после нее, в тоне, прямо противоположном вынесенному приговору:

«Алексей Кашеев

24 мая

Хотелось бы прорекламирровать статью Галины Мурсалиевой «Группы смерти», однако делать это, кажется, необязательно, ибо ее и так прочитали все пользователи Интернета, владеющие русской грамотой... Последовавший холивар в комментариях и СМИ вызывает у меня вот какие соображения.

Во-первых, статья совершенно блестящая и представляет собой ту самую подлинную журналистику, которой, если я не ошибаюсь, должны учить на соответствующих факультетах... Следует отметить, что... успех здесь связан именно с качеством журналистской работы, ведь автор не изучает спрятанные за тридевять земель офшоры, не берет интервью у резидента британской разведки, а выводит на поверхность явление, формально доступное глазу. Даже для традиционно высококачественного материала «Новой газеты» этот текст – ультравысококачественный. Полагаю, что многие люди из тех, кто попроще, кто политикой и общественной жизнью не интересуется, еще долго будут на вопрос «Знаете ли вы «Новую газету»?» отвечать: «А, это те, которые про детский суицид?».

Во-вторых, статья получилась шокирующая, пугающая каждого родителя, учителя, да и вообще каждого. Огромная важность статьи в том, что она затрагивает мир, параллельный взрослому, но существующий в реальности. Поэтому социальную важность этого материала переоценить трудно: в настоящее время человек 12 лет и человек 30 лет отличаются, как древний шумер и средневековый монах, а человек 12 лет и человек 50 лет – примерно как игуана и пеликан. Я думаю, вполне нормальной и неззорной реакцией каждого родителя после этого материала должно стать желание поспрашивать подростка, в каких таких группах контакта он посиживает.

В-третьих (что следует из первых двух пунктов), статья просто не могла не вызвать раздражения в мире СМИ, потому что сами понимаете почему. Аналогичным образом, у хирурга часто возникает естественное раздражение по поводу профессионального и изящного исполнения неочевидной операции другим хирургом. Правда, большинству хирургов хватает такта не поливать коллегу в минуты зависти грязью. Следует подивиться, что как раз так называемые независимые СМИ поплевались в автора наиболее обильно – что, впрочем, лишь подтверждает законы психологии и истинность диалектики.

В-четвертых, истерика насчет того, что материал направлен против Интернета как такового, – как раз реакция весьма подростковая. Опасение, что статья Мурсалиевой

станет катализатором запретительных мер, впрочем, небезосновательна: мы отлично знаем, что чиновник, которого утром раздражает музыка в машине, может немедленно запретить автомобили, радио и само утро. Тем не менее какого черта тогда нам нужны всякие регуляторы вроде Роскомнадзора, как не чтобы оградить людей от потенциальных преступлений? Не все же им за торрентами гоняться и грани. ру блокировать. Пусть и настоящей работой займутся.

Ну и в-пятых: мои личные соображения про эти группы. Конечно, я далек от мысли, что все сотни тысяч состоящих в «группах смерти» представляют собой гигантскую секту и не сегодня завтра «самовыпилятся». Абсолютное большинство сидящих там – обычные подростки, постящие грустные фоточки, слушающие музыку и общающиеся с товарищами по пубертату. Но именно совместное нахождение этих людей из виктимной категории делает группы привлекательными для преступной деятельности. Явно неспроста гениальная и изысканная идея о том, чтобы через игру лишить подростка сна между 4.20 и 6.00 часами утра: при помощи такой депривации продуктивного сна легко ввести неустойчивого человека в требуемое психологическое состояние. Отсюда же сложная символика в этой субкультуре: известно, что именно организованные серийные убийцы и экстремальные секты очень любят символические ряды, связанные со смертью. Неслучайна и постоянная связь с японской культурой, ведь именно в ней, столь любимой подростками по аниме, самоубийство занимает особое место. Да, играют в эти игры дети. Но очевидно, что правила придумываются именно взрослыми людьми с пока не очевидными (расследование покажет), но определенно мрачными целями».

Как так?! «Был уже разбор «Медузы!» – вскричали комментаторы. Разбор! Медузы!!!

Высочайшее мнение свое Верховный суд «Медузы» изложил в пяти вопросах – пунктах обвинения, два из которых звучали в лексике прессы годов сталинских репрессий: «честен ли автор?» и «объективен ли автор?». Я ничего не придумываю – именно так они и звучали.

Это отшатнуло, конечно же, здоровую часть профессионального цеха – для 2016 года это было все-таки уже беспрецедентное явление. Но в массе своей, особенно в сегменте интернет-СМИ и делегировавшим им весь свой разум фанатам модных журналов, вопросы «Медузы» прозвучали как сигнал официального «можно». «Машину зря гоняет казенную! – наябедничал кот, жуя гриб», и началась легализация «мочилова» – шел третий день травли. Коллективный «мозг рака» (выражение Алексея Кашеева, см. его интервью «Если бы не стихи, я не смог бы стать хирургом» <http://www.novayagazeta.ru/society/66387.html>) перекочевал теперь уже из социальных сетей в СМИ – и возвращался застывшими массами фразеологизмов в головы пользователей тех же соцсетей, которые множили и множили комментарии комментариев.

Некоторым из них, не авторам постов, а авторам комментариев, кто-то задавал в Фейсбуке вопрос: «Вы говорите, что публикация «Новой газеты» вредная, манипулятивная, а скажите, вы сами ее читали?» И человек на голубом глазу отвечал. «Я сам не читал, но считаю, что... потому что так сказал такой-то, а он...»

«Каждый имеет право на свое мнение!» – тут же одергивал спросившего бдительный автор дежурного поста по ненависти (чтобы не погасло).

«СВОЕ! СВОЕ мнение», – пытался объясниться человек и попал под очередной сход лавины – камнепада – селевых потоков.

Тех, кто вмешивался как-то по-другому, сметало в такую агрессивную логику разговора, что человек был вынужден отбегать – пробегать между летящими булыжниками, на бегу выкрикивая, например: «Как бы ни был написан текст, но ведь тема поднята важная», или «Да, но ведь они спешили с публикацией, чтобы спасти детей...» Тем самым сдавая

сразу несколько позиций и как бы признавая: «Ну да, текст ужасный, но...» Это так всегда бывает при серьезном бедствии каком-то: люди хватают только самое важное и бегут. Они не могут при этом все спасти.

«Фейс-контрольщики Лас-Вегаса», администраторы «групп смерти» просили подростков «бросать им сигны» – то есть надо было нарисовать на своем теле что-то связанное с этими администраторами – их изображение или их ники и прислать фото. Девочки-школьницы откликались охотнее ребят, фото сигн, иногда на телах обнаженных, шли потоком.

В первые пять дней после публикации тысячи людей в сетях написали свои изложения на тему «алармизм публикации «Новой газеты» – термин, редко употребляемый в профессиональной среде, пришел в массы. А потом пошли покаянные посты от тех, кто в первый день публикации поторопился с высказыванием своего мнения. Люди посыпали себя пеплом и говорили примерно так: «В минуту слабости эмоции овладели мной, но я каюсь, теперь я прозрел! Мне объяснили, текст ужасный, а моё мнение чушь».

Бросали сигны?

Фрагмент интервью психоаналитика Оксаны Лавровой, специально для книги:

– ...В коллективных историях работают коллективные матрицы – архетипы, как Юнг это называл, – там обязательно есть поведенческий аспект. Мы имеем дело с реакцией некой общественности, которая, прочитав публикацию, сомневается в том, что описанное в ней существует. Первое, что пытаются ваши оппоненты сделать, – отрицать то, что описанное вами это – факт. То есть факт, который существует. Эта реакция называется отрицание.

Отрицание смерти – давно известный в нашем культурном коллективном пространстве феномен. Бунин в своём рассказе Господин из Сан-Франциско» описывает это очень подробно: человек умер в отеле, а никто не хочет обращать на это внимания, потому что этим всё испортили. Люди приехали в отель отдохнуть, а там человек умер. Ну что это такое? И хозяин как бы виноват, это ровно ваша история, Галина. То есть вы – тот самый хозяин отеля, который обратил внимание на то, что кто-то умер. В вашем случае речь вообще о детях, а это – табуированная история. И это очень страшно. И все отреагировали ровно так же, как постояльцы отеля. Это коллективная матрица, Бунин её просто описал.

То есть испорчен вечер, в вашем случае – испортилась картина реальности. Она была хорошая или средняя, нейтральная, терпимая, а тут пришла «Новая газета» с Галиной Мурсалиевой и всё испортила, и нужно срочно съехать из этого отеля. Это реакция матричная...

Фрагмент интервью кризисного психолога Михаила Хасьминского, специально для книги:

– Я думаю, не сразу, но постепенно все дойдёт абсолютно до всех. Есть часть журналистской тусовки, которая сейчас не понимает по одной простой причине – эти люди живут как на другой планете, для них есть совершенно другая реальность. Они – элита, ну, сами для себя, естественно, тоже там такая атмосфера вполне себе сектантская. Все остальные так – мусор, который можно использовать. Это не ново, ничего нового в этом нет. Для них есть там посещаемость их страниц, важно, чтобы их читали, они чувствуют себя суперкреативными. И они абсолютно уверены, что у них никогда в жизни ничего такого не случится. При всех этих факторах совершенно не нужно вообще вникать. Гибнут дети? И что? Вот правда кто-нибудь из нас вообще думал, как, например, болит лапка у кузнечика? Которую оторвали. Да фиг с ним, с этим кузнечиком. Боль другого человека – она им понятна примерно так, она просто не доходит до них. Понимаете, они про-

сто не могут себя поставить на место человека страждущего. Это другой, параллельный для них мир.

Глава 2

Пунктики защит

«...пошел черпать, а куда, на что льет, а что – и не знает, во что...»

Улдис Берзиньш, из книги «Берега дождя: Современная поэзия латышей», стихотворение о старости

«Вы мне скажите, мы к сути проблемы, изложенной в тексте, будем переходить? Или мы будем говорить только о зеркалах, которые стоят вокруг текста?»

Труднее всего выступить против своего круга, а не против власти...»

Из интервью главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова телеканалу «Дождь», эфир 20 мая 2016 (https://tvrain.ru/teleshov/govorite_s_yuliey_taratutoy/govorite_muratov-409740/)

«...Нас все время заставляют решать не те вопросы и не так их ставят», – объяснял мне когда-то давно про то, что происходит с общественным сознанием, психоаналитик Владимир Осипов. В ответах на не те и не так поставленные вопросы всегда происходит пляска каких-то невероятных домыслов, противоречий, предвзятости, выхваченных из контекста фраз обсуждаемого явления. И что еще хуже – фраз, которых даже и из контекста нельзя было выхватить, – их там просто не было. Безусловный в этом смысле чемпион – словосочетание «теория заговора».

Ничто в моем тексте не могло натолкнуть на эту мысль (сообщите, если вдруг что-то найдете). Можно тупо предположить, что приписываемая к публикации «теория заговора» могла каким-то странным образом зародиться с одного из первых абзацев. С того, где я, размышляя, кто стоит за группами смерти, перечисляю разные версии и говорю, что не знаю, какая из них верна. И потом уже, где-то ближе к концу, сетую, что мы видим только поверхность айсберга и не знаем, кто Воланд.

Но в моем перечислении есть разные виды духовных уродов – маньяки, фашисты, сектанты. Какой мог быть бы заговор, например, у маньяка?! Мог быть только преступный умысел. Я говорю в газетной публикации о преступлении, всячески это подчеркиваю. Именно этот посыл очень четко очерчен во вступительном слове «От редакции» – вы можете это увидеть сразу, как только откроете ее здесь же, в книге.

Для чего нужна была такая подмена понятий? Почему ее так мощно педалировали со всех сторон? Под нее легко ложилось продолжение фразы, цитирую по памяти одно из высказываний, которое в разных вариациях повторялось тысячи раз: «Эта публикация о бредовой теории заговора, из которой непонятно, кому и зачем могло бы быть нужно – убивать детей». То есть ложь первой фразы сразу подтачивала серьезность, тревожность, трагичность темы. Все становилось не настоящим.

Но давайте я еще раз повторю образец популярной рекламной (или антирекламной?) фразы, только уже без подставки в виде заговора. А именно так, как и было сказано в публикации, – объективно. Она бы звучала так: «Эта публикация о преступлении, из которой непонятно, кому и зачем могло бы быть нужно убивать детей». И смотрите – тогда уже сразу становится возможным разговор в нормальной логике. Я могу ответить: не знаю, кому нужно, но слышала от разных следователей предположительную версию об ОПГ.

Зачем? Я не знаю – нам с вами, нормальным, законопослушным людям, никогда до конца не понять, зачем, например, сатанисты приносят детей в жертву. Почему маньяки так

извращенно их убивают. Зачем фашисты их сжигали в газовых камерах. Для чего наркдилеры продают им смертельный спайс. Зачем в секте «Народный храм» в Джонстауне были совершены массовые убийства и самоубийства 911 человек – взрослых и детей...

Нам никогда не понять.

Но кейс под названием «теория заговора», в который опустили суть страшного явления, имеет двойное дно. И его выдала в лексическом смысле, как ни странно, детский психолог. Она написала: «...Обвинять Интернет в существовании мирового заговора – идея не самая продуктивная». И в таком сочетании, в такой связке двух избитых уже обвинений сразу стала очевидна проекция параноидального объекта. Обратите внимание: люди, яростно приписывавшие мне «теорию заговора», для которой не было никаких оснований, с лёгкостью приняли свою собственную теорию заговора – об уничтожении Интернета. Почему? Потому что это – привычный заговор. Он не такой реальный, как суть и смысл публикации. С ним так комфортно выглядеть героями – вроде бы как воевать с властью, при этом уютно устроившись с ноутбуком на диванчике.

То есть вот о том, что материал «Группы смерти» сделан по заказу Роскомнадзора, ФСБ, депутата Мизулиной, уполномоченного по правам ребенка РФ Астахова (он на тот момент еще не был в отставке) и, наверное, даже Путина, тоже говорилось (подразумевалось) везде. Чтобы закрыть социальные сети и вообще Интернет. Такой заказ.

Я, как царь Кащей, над золотом воображаемым чахла – представляете, сколько мне могли бы заплатить? И еще вспоминала пикеты, на которые каждый четверг в начале двухтысячных годов приходили простые люди, всего-то поначалу человек 7 от силы. Помню, что в их числе были библиотекарь, озеленитель, водитель – обычные люди. Они разворачивали плакат – «Против войны в Чечне» в самом центре Москвы – это было очень рискованно, потому что именно Чечню в то время все громко и резко хотели «заасфальтировать» вместе со всем населением, включая младенцев. Я много времени провела с ними и не раз о них рассказывала в «Новой газете» (см. публикации «Разлом в головах» <http://www.novayagazeta.ru/society/13566.html> и «Разлом в головах – 2» <http://www.novayagazeta.ru/society/16891.html>).

Несколько раз цитировала слова (и никогда, наверное, уже не забуду) замечательной москвички пенсионерки Валентины Василевской: *«Мы стоим, как флажок для нормальных людей, и они радуются, увидев нас, потому что им, так же как мне, казалось – до того как я узнала про этот пикет и стала приходить сама, – все общество впало в остервенение...»*

Это было в разгар Второй чеченской войны и происходило, напомним, в центре Москвы. Мимо шли и шли прохожие. Увидев плакат пикетчиков, многие из них выкрикивали: «Предатели! Сколько вам заплатили?!» Теперь вот и у меня в первые дни после публикации при совсем уже других (или не совсем других?) обстоятельствах, спустя лет 14–15, тоже спросили в личном сообщении в Фейсбуке: «Мурсалиева, сколько вам заплатили?»

«Надо было понимать, что в ситуации, когда идет наступление на последние наши свободы, вас обвинят в заказухе. И вы невольно на них сработали, – горько сетовал один мой давний хороший знакомый. Он выглядел расстроенным. – Как так можно было?! Надо было взвешивать риски!»

Мне ни разу не приходила в голову мысль о рисках именно в таком ракурсе. Но если бы даже она вдруг пришла – что тогда? Я не могу себе представить таких весов, думаю, что никто из нормальных людей таких весов не представит, ну правда – как это? Как взвесить? Ты кладешь на одну чашу предположение, что тебя могут обвинить... в гипотетической угрозе закрытия социальных сетей? Вообще Интернета? А на другую?

И вот именно здесь возникает тема, которая мне лично представляется невероятно важной. Она об образах, которые мы строим для себя и друг для друга. Что с нами происходит, когда мы – в образе бесстрашных героев, бескомпромиссных борцов с властью? Где та грань, за пределы которой переступить нельзя? И можно ли, геройствуя, особенно в ситуа-

ции уже даже не смутного, а беспросветно мутного теперешнего момента, когда не очевидны риски именно твоей жизни, жертвовать чужими жизнями? Всеми способами выключать свет, только что загоревшийся над следами преступников, путать эти следы, затаптывать – это же, по сути, уже сращивание с теми, кто выстроил смертельный Лас-Вегас детям. Такое незаметное происходит погружение: герой встал на защиту Интернета, узнав о том, что там орудуют «группы смерти». Не на защиту детей, а на защиту, по сути, границ места, где это происходит. Это все равно как если бы во время, когда в Москве орудовал битцевский маньяк, закричать: «Защитим Москву, нет никаких маньяков! Москва не виновата!»

«Интернет не виноват, подростковые суициды были и до него!» – это был один из пунктов (хотя вот это точно пунктик) обвинений «пограничников-героев». Обсуждать такой тезис всерьез – как? Кто с этим «прозрением» спорил?

Если ты правда веришь в свою бескомпромиссную борьбу с властями, ты – герой, а не живешь просто в образе, – значит, любую информацию от властей подвергаешь как минимум сомнению, а вообще-то – остракизму. Что же за облако счастья взвилось, от чего так ликовали-торжествовали «герои, борцы за свободы», когда появилась официальная информация о том, что зловещий персонаж моей публикации Ева Рейх оказалась 13-летним подростком? Почему это приняли безоговорочно и сразу, испытали такой прилив вдохновения, что выпустили (выдохнули?) десятки новых текстов-постов, заметок, комментариев – видите, мол, это «просто дети баловались в сети, нет никаких групп смерти».

И вот я думаю, а читали ли они действительно саму газетную публикацию, или желание громко высказаться по теме нового тренда (вдруг не успею, не услышат, не заметят, «солнышко скроется, муравейник закроется») затмило все? В публикации же говорится: *«Не старайтесь запомнить имя Ева Рейх – «рейхов» в этих бесчисленных группах бесчисленное множество – Виталий Рейх, Александр Рейх и т. д. Ко всему прочему Ева Рейх легко переходит в «тело» Мирона, часто меняющего фамилии...»*

Когда ты в образе, простейшая мысль «А если подростка подставили, объявив ее Евой Рейх?» из сознания вытесняется. В сети немало аргументов, в том числе и довольно-таки убедительных, для того чтобы как минимум усомниться в официальной информации. Но именно к ней направлена вспышка абсолютного доверия у «борцов с властью».

Когда вопросы ставят не те и не так, появляется интересный феномен: в пляску предвзятости, домыслов, противоречий влетают и абсолютно честные ответы. Ритм пляски влечет приличных, самостоятельно мыслящих людей, когда слышны такие, например, аккорды: «Подростки делали себе самопорезы и до Интернета». Я бы и сама здесь «станцевала круг»: в моей юности был такой знакомый Витя – у него все руки были в шрамах, а еще он втыкал себе в лоб кнопки. Он, к счастью, жив, благополучен. И каждый, так же, как я сейчас, вспоминал в обсуждениях своих каких-то Вить с разными судьбами. Но Витю, Машу или Иру, о которых мы все вспоминаем, никто не просил присылать фото шрамов в специальный альбом. И уж тем более никто не подстрекал их делать самопорезы специально, для того, чтобы в этот альбом войти. Это не было для детей ступенькой конкурса-игры, в результате которой ты либо перейдешь, либо не перейдешь на следующий уровень. Получишь или лишишься шанса стать избранным. И для Вити никто не развешивал на каждом столбе призывов-кричалок: *«Закрой уши, никого не слушай! Режь себя, ну же! Ты никому не нужен»*. К нему не обращались напрямую из всех окон и дверей: *«Любишь все запретное? Порезы и кровушку? Жми на нож»*. Это все есть в газетной публикации – и это только часть хитрой и продуманной схемы, смертельного Лас-Вегаса, внушающего детям разными путями: единственный выход из этой жизни – суицид, выпиливайся!

Мне сначала само это слово – «выпиливание» – казалось странным каким-то жаргоном. А позже, уже после выхода публикации, один из друзей рассказал, что среди хиппи

периода 1970–1980-х существовал глагол «пилиться» (обратите внимание на незавершенную форму!), который означал как раз процесс нанесения ран на запястья без цели суицида.

То есть, взяв завершенную форму глагола – «выпиливаться» и требуя от детей присылать свои шрамы, «Лас-Вегас» уже заранее увязывал этот этап с конечной целью их гибели.

Это как учебная программа, альтернативная такая школа наоборот. То есть речь можно вести даже не о каком-то просто клубе самоубийц, а о курсе обучения, четко рассчитанном по времени – 50 дней, с заданиями на дом. То есть в «классе на уроке» (в суицидальных публичках) подросток, попавший по ссылкам в закрытую группу, смотрит огромное количество роликов о суицидах, слушает об этом песни и получает невероятное множество цитат великих классиков – все по теме. Цитаты замечательные, и песни есть хорошие, но когда это все сложено-уложено в одно, оно так и укладывается в головах. А в задании на дом Зазеркалье № 1 просит не только фото самопорезов – оно просит сочинений, рассказов или рисунков о Рине, девочке, которую искусственно превратили в мем суицида. Повторюсь – превратили искусственно! Потому что это очень важный след всей преступной схемы и его затаптыкает Зазеркалье № 2. Обратите внимание, когда будете читать публикацию, вот на эти слова: *«Если посвятить теме много времени, можно увидеть, как была тщательно спланирована раскрутка смерти Рины».*

Смотрите, как пытались замести этот важный след: *«Автор с Интернетом на вы, соответственно, не мог понимать и знать, что мемы не создаются искусственно, они возникают только стихийно...»*

Что здесь правда? Я, конечно же, непрокачанный, непродвинутый пользователь. Я не знала сленга, что значат, например, слова «раржпег» или «сигна». Я также не знаю ничего до сих пор про поршневые кольца (не выдавайте меня ГИБДД) в машине, хотя езжу за рулем уже 17 лет. Но если вдруг когда-нибудь мне пришлось бы работать над материалом, где что-то, пусть даже какая-то не самая важная нить была бы связана с этими самыми кольцами, – я бы знала о них все досконально. И про верхние, и про нижние, и про то, какие из них обеспечивают герметичность камеры сгорания. Я бы узнала о них все, что можно было бы узнать, и, может быть, даже чуть больше. Это первое правило профессионала – не рассказывать в газете то, о чем твои представления смутны. Изучать, вникать в суть всех предметов, включаться эмоционально, подмечать детали, подниматься над ситуацией и видеть всю систему – я всю жизнь только так и работаю.

Нужно было разобраться в том, что такое «раржпег», в работе над материалом – я потратила время и разобралась. Я также досконально разобралась в мемах и, если честно, с трудом выдержала менторскую лекцию редактора «Медузы» Ивана Колпакова в прямом эфире на радио «Свобода» (<http://www.svoboda.org/a/27747726.html>): *«Беда заключается в том... автор верит свято, что история про Рину стала мемом в Интернете, потому что кто-то управлял этой историей, кто-то специально ее вбрасывал, форсил, продвигал, рекламировал и так далее. Мемы просто по-другому существуют в Интернете, они сами собой возникают и сами собой разлетаются, так это происходит, потому что это горизонтальная структура...»*

Я не знаю, свято ли верил в то, что он говорил, представитель «Медузы», но здесь вариантов всего два: он либо врал, либо абсолютно некомпетентен в вопросе, по которому так самоуверенно и с таким апломбом просвещал студию и слушателей радио. В мире, где в рекламу вкладываются миллиарды долларов, говорить о том, что нельзя создать искусственный мем, просто смехотворно. Существует понятие «forced meme», как раз означающее мем, который был искусственно популяризован частым повторением. Пиарщики, например, хорошо знают такое понятие, как «мемизация информационного сообщения для придания вирусности контенту».

Так вот, все было именно так: *«История про Рину стала мемом... потому что кто-то управлял... специально ее вбрасывал, форсил, продвигал, рекламировал...»* Я в это действительно верю, потому, что у меня для этого было достаточно доказательств до публикации и стало еще больше после нее благодаря читателям. (Подробнее об этом в первой главе второй части книги.)

...Итак, есть мем, он создан, впечатлил детей очень сильно. Что дальше? Им задают домашнее задание: написать сочинение или рассказ о Рине. Что такое сочинение в школе, для чего существует такая методика? Учителя вам ответят: для закрепления и лучшего осмысления материала.

Это – школа суицида: сочинения-рисунки о Рине, фото с порезами, которые дети должны были присылать в специальный альбом. С методичкой: глаголом «пилиться», который употреблялся прежде в связи со шрамированием, а превратился в «выпиливание». С четкими инструкциями, с проверкой знаний и уровня душевного состояния: «Эй, кис, что случилось?» (См. публикацию «Группы смерти».)

Я не буду сейчас даже брать в расчет, какие там дальше идут этапы «игры» (рассказано в публикации). Они самые действенные, но даже без них – это вот все просто триггер?!

Это понятие стало высшей ступенью эволюции в самой громкой части публичного обсуждения публикации «Группы смерти». Последним пунктом защит.

Глава 3

Триллер триггера

*«...добро он копит (а добро гниет),
так полнится чаша за годом год...»*

Улдис Берзиньш, из книги «Берега дождя: Современная поэзия латышей», стихотворение о старости

*«...великан на ходули встал ты смотри гурьбою карлики вслед.
Макар один ты смотри в Тукумс гусей погнал. В болоте ты смотри
другой третий ловят мух языком... В Алуксне ты смотри мужик на
крышу корову завел... По морю корабль плывет ты смотри ветер
гуляет идет волна туда-сюда звон в ушах... Разжимаю кулак дую
ничего нет...»*

Юрис Куннос, из книги «Сонтгабанда»

И было сказано:

– ...Ну... это – просто триггер.

Иными словами – плавать в этих водах все-таки можно, но вот – буюк. То есть говорить, что в Интернете орудуют целые сообщества, размещающие суицидальный контент, – ладно уж, говорите. Можете даже ругать, мы вот и сами за это ругаем, это могло послужить триггером для суицидально настроенных подростков. Триггером, только триггером, не забывайте! Никто не вел ребят *«системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте»*.

Так мамы начинают прилюдно рьяно ругать своего ребенка, если ему угрожает расправа от чужих родителей за осуждаемый проступок: «Да, он несдержан. Дрался, ругался – это плохо, очень плохо. Но кража? Нет, никогда. Даже не говорите. А то, что несдержан, – это правда! Ты почему дрался, негодяй такой? Вот я тебе за это. Но кража? Нет, он чужого не возьмет».

То есть вот понимаете, нам только казалось, что сошла на нет апокалипсическая, по сути, тема закрытия Интернета в связи с существованием там «Групп смерти». Она до сих пор жива, потому что триггер – это именно буюк, за пределы которого страшно заплывать, проще прятаться за старую, добрую угрозу о закрытии Интернета. Заплывешь, а там такая глубина, – воронки, водовороты, водокруть-водоверть, сливается столько сразу течений – снесет.

Как сносит детей? Жизненные инстинкты незаметно подтачиваются, изо дня в день. Триггер – спусковой крючок: если в реальности были веские причины для суицидальных настроений, «группы смерти» действительно могли послужить для него только так.

Но если особых причин не было, были только проблемы, с которыми хотелось просто погрузиться с кем-то вместе? Или пришел из любопытства? Попал по бесконечным ссылкам-зазывалкам? Провел там долгое время... Тогда ситуация, как маятник, качнется в противоположную сторону – в реальности может стать веской причиной для суицида. Подготавливается такое состояние, когда все что угодно может стать триггером – ссора с подругой, двойка в школе и уж тем более если происходит что-то трагическое. Здесь очень важно знать, что было раньше – двойка, ссора, что-то трагическое или активное бдение в чатах «групп смерти». Если второе – то, что подросток мог пережить, а мог и не пережить в силу возрастной турбулентности, теперь уже не переживется с большей вероятностью. Он больше не верит не только в ценность, но и в реальность своей жизни – это все подточено. Ему объяснили, как это легко и красиво – просто уйти «на раз-два-три», это все накопилось в

сознании. С него сняли все страхи смерти, высмеяли их, дали пошаговую инструкцию. Это теперь триггер для него – любая проблема в реальности.

По сути «группы смерти» – это надстройка над всеми базовыми уязвимостями подросткового возраста, зона риска, которая из виртуальной реальности давит именно на зону риска в реальности социальной.

Зона риска над зоной риска. Явление, матрица которого в социокультурной реальности существует, а противоядия не выработано. Нет никаких антидотов, «не готовый мир», по Бахтину. Следователи и те психологи, которые не ушли в отрицание описываемого явления (большинство), уже после публикации говорили мне одно и то же: «Нет никакой практики работы в этом направлении, не на что опереться, приходится учиться на ходу».

Известный психолог Людмила Петрановская тем временем пишет о публикации, описывающей явление, понимание и осмысление которого пока еще так хрупко: «...в... стремлении защитить детей есть теневая сторона». Она ищет тень в защите детей в момент, когда тень у нас на детей нападает и давит их. Когда тень вообще не знает своего места!

Представьте время, когда только появился СПИД, – еще нет никакой вакцины от этого нового вида болезней. Точнее, появилась первая информация с вескими доводами о факте его существования. Вы говорите: люди погибают от него! А вам в ответ: люди погибали от болезней всегда. От рака. От инфаркта. От гипертонии.

Кто-то даже взялся рассматривать в этой связи «рак» и «инфаркт» подробно, например та же Петрановская. На полном серьезе, с большим полемическим задором, взяв при этом себе задачу «морок» от «СПИДа» разогнать. *«Только один факт: погибшая девочка так переживала из-за фигуры, что давно уже ела только салаты. Это говорит о том, что у ребенка было как минимум устойчивое пищевое расстройство, один из маркеров повышенного суицидального риска»,* – пишет она о героине моей публикации и берется рассказывать о вреде диет, напроць, игнорируя тот факт, что публикация буквально с этой темы и начинается – с одной из надстроек над «маркерами повышенного суицидального риска»: *«Все, что мы знаем теперь абсолютно точно, – так это то, что с детьми работают взрослые люди... со знанием психологии, внушая девочкам, что они «толстые», а ребятам, что они – «лузеры» для этого мира. Потому что есть иной мир, и вот там они – «избранные».*

Когда СПИД только появился не в переносном, а именно в медицинском смысле, было вокруг очень много стигмы по отношению к заболевшим. Тогда выкрикивали – «это болезнь гомосексуалистов, их образа жизни, сами виноваты...» Сейчас такие представления нормальным людям кажутся дикостью, но, встретив новое явление, они часто, наверное на бессознательном уровне, включают те же механизмы отрицания чего-то нового и страшного. Теперь у них во всем виноваты родители погибших детей – они готовы заасфальтировать их.

И это самая крепкая жердь «В гибели детей виноваты родители», самая тупая и непробиваемая жердь из тех, на которые, как перепуганные стаи птиц, присели сетевые мои «гонители-коллеги» и, что опаснее всего по последствиям, – психологи (к счастью, не многие). Опаснее всего потому, что именно к ним идут после публикации родители, обнаружившие у своих подростков черты поведения и ту атрибутику, которые могли быть как-то связаны с влиянием «групп смерти» в Интернете.

Фрагменты интервью психоаналитика Оксаны Лавровой, специально для книги:

– Это просто ужасно. Такое ощущение, что здесь продолжает работать садистский, хищнический комплекс, то же самое было по отношению к их детям и теперь к ним разворачивается. Это невероятно, почему здесь нет сострадания от другого родителя, который избежал этой страшной участи...

Когда я начала как-то ориентироваться на свою профгруппу, то увидела, что некоторые коллеги ведут себя так же, как и люди неподготовленные. Они испугались и стали защищаться. Я же хотела привлечь некоторых подростковых психологов к поднятой вами теме и обнаружила, что они вообще не готовы эту ситуацию анализировать. Они захвачены так же...»

Фрагмент интервью кризисного психолога Михаила Хасьминского, специально для книги:

«Почему некоторые психологи этого не понимают? Ну, во-первых, понятно, как у нас сейчас психологическое образование строится. А во-вторых, тема страданий просто многим не интересна, она никак не вписывается в их жизненную парадигму. У них есть понятия – те, что они вызубрили на психфаке, дежурные какие-то вещи. У многих психологов такое вот типичное стандартизированное мышление, они не в состоянии хотя бы попытаться рассмотреть новую ситуацию. Их знания гниют, как продукты с просроченным сроком годности, потому что они их не могут применить в связи с новыми вызовами. Группы, призывающие детей к суициду в Интернете, – они об этом не хотят думать, об этом им просто ничего не говорили в институте, поэтому они никак не могут включиться. Нужна самостоятельная работа, а они не могут, не способны. Поэтому ваша публикация для них о гибели детей – как о культуре каких-нибудь индийских племён – им абсолютно все равно. И они огрызаются, потому, что когда тема болезненная для общества, от них ждут какого-то ответа. А у них его нет. И агрессия – это в данном случае форма защиты. Вы пытаетесь изменить у них какое-то мироощущение. А они не хотят его менять».

Фрагмент интервью известного врача-психотерапевта, президента Высшей школы методологии Андрея Курпатова:

«Многие психологи не понимают, что ребёнок, с которым они разговаривают, на восемьдесят процентов сейчас находится в диалоге не с ними. Он находится внутри своих переживаний, связанных с тем, что происходит сейчас в социальных сетях. Восемьдесят процентов его внутреннего содержания не находится в этой коммуникации, он не привык к этой социальной коммуникации. Восемьдесят процентов его сознания лежит внутри всего вот этого аудиовизуального виртуального контента, который у него в гаджете. И это просто непрофессионально, когда психологи не понимают, что они могут ухватить из этой среды только маленький хвостик, такой вот цупалец один остался, а все остальное засосала виртуальная среда. Когда они думают, что с ребенком коммуницируют, и думают, что вот сейчас любовь родителей всё исправит, они вообще не понимают, насколько радикально изменилась среда, в которой существуют детский мозг, детское сознание, детская психика. Не спасает больше эмоциональная привязанность семьи, просто нужно как-то уже прийти в разум и понять, что наши дети в рамках эмоциональных привязанностей находятся в сети.

Представьте себе конструкцию, при которой есть раздражители: еле слышный и громкий, просто как канонада. На что будет обращено ваше внимание? На канонаду. Что будет определять ваше эмоциональное состояние – вот этот тихий звук, который еле слышно, или эта канонада? Ваше поведение будет определять эта канонада. Поэтому старые представления о семье, о психологическом климате и так далее – это, к сожалению, вещь просто фатально устаревшая.

...Что исходит из конструкции фундаментальной мировой, европейской в частности, культуры? Осмысление темы суицида, особенно детского, – серьезный и глубочайший вопрос, который в культуре должен быть правильно проговорен. Должны быть проблематизации. Наша страна имеет самую страшную демографическую формулу суицидов.

Страшные детские суициды. В зрелом возрасте суициды. У стариков огромное количество суицидов. У нас даже статистики толком не собирается. Я даже не говорю про общественное мнение и понимание сути этих феноменов. Башки нет ни у кого. И конечно, когда вы эту тему затрагиваете, получается, что вы говорите с людьми, не имеющими нужного бэкграунда для понимания этой темы, и вы предлагаете им дискуссию на современном мировом языке».

...Есть такая повесть Роберта Шекли – «Билет на планету Транай». Считалось, что на этой планете не было преступлений шесть веков подряд – вообще никаких. Планета-мечта. Но когда туда отправился землянин, выяснилось, что там есть все: и коррупция, и грабежи, и кровавые убийства – просто на планете «Транай» это преступлениями не считается.

По всей стране родители находили одни и те же следы смертельных «укусов», ведущих к «планете «Транай» – той части космоса Интернета, где разместились суицидальные паблики. Это стало слишком очевидно с ноября и еще отчетливее в декабре прошлого года (напомню, агрессивная раскрутка мема «Рина» началась в конце ноября). От Краснодара до Уссурийска – повсюду убитые горем родители кричали следователям: «Наших детей убивают через Интернет! Посмотрите, что на их страничках в ВК! Посмотрите!» Иногда одно и то же и почти в одно и то же время кричали следователям в двух разных районах одного и того же города, например в Рязани.

Этого стога никто не хотел слышать, не хотел понимать, следователи в регионах смотрели на них в лучшем случае как на потерявших последние остатки разума родителей в скорби. Дела никто и не думал объединять, каждому подростку находилась своя отдельная причина для добровольного ухода из жизни – ссора, двойка, неразделенная любовь. А если не находилась, то в материалы дела легко ложился джокер – «подростковая депрессия».

Но между землей и планетой Транай курсировал «космический корабль» – сайт с названием «Мертвые новости». «Корабль» курсировал с планеты на планету с удивительным постоянством и регулярностью, всегда первым сообщая об очередном суициде подростка подробнейшим образом. С упоминанием их страничек в ВК, никами и с подлинными именами и фамилиями, названиями городов и номерами школ, в которых учились дети. (Этого не могли себе позволить ни центральные, ни региональные СМИ.) Из-за крайне подозрительного «корабля»-сайта во многом и стала возможной в итоге виртуальная встреча родителей, прежде разрозненных, искавших в одиночку правды по городам и весям. Родители, оправляясь от горя, начинали находить друг друга по страничкам детей, списываться и вести свой горестный отчет. Они насчитали 130 погибших детей, по страницам которых было видно, как над ними кружили «группы смерти». Я успела проверить 80 – проверяла всеми доступными мне способами, иногда прибегая к помощи коллег из регионов. Я считаю, что в теме, о которой мы сейчас с вами говорим, имела смысл только эта статистика «с планеты Транай», собранная самими пострадавшими. Все остальное было бы фикцией – что могла бы сказать, к примеру, о СПИДе статистика смертельных исходов от болезней в момент, когда об этом заболевании не было ничего известно?

Наша же статистика говорит о многом. Она совершенно аномальна в гендерном плане: в общей статистике юноши в 4,4 раза совершают больше суицидов, чем девушки. В нашей связанной с группами смерти статистике погибших 60 % девушек и 40 % парней. Это может быть соотнесено с образом кумира, с мемом «Рина», – известно, что во времена Вертера добровольно уходили из жизни больше юношей, а когда была опубликована «Бедная Лиза», началась буквально эпидемия суицидов среди девушек.

Есть тенденция в частоте самоубийств с «планеты Транай». Они совершались каждые 1–2–3 дня по 1–2–3–4 случая. То есть в нашей выборке не было и трёх дней без суицида.

Основной возраст – 14–15 лет. Самому маленькому погибшему – 9, самому взрослому – 21.

Официальная статистика говорит нам о том, что количество подростковых суицидов держится на одном и том же уровне последние 8 лет. Но при этом есть данные, что по так называемым неблагополучным регионам уровень подросткового суицида зашкаливает. В Читинской области, в Алтайском крае, в Бурятии и на Чукотке число завершённых суицидов равно 70 человек на 100 000. Притом что в Европейской части России и в Москве – 3–5 человек на те же 100 тысяч. Наша статистика именно этим данным и соответствует – «группы смерти» работают здесь особенно интенсивно.

Это надстройка не только на всеми возрастными уязвимостями подростка, но и над уязвимостями географическими...

Мне представляется, что я сейчас наконец вытащила самые крупные осколки зеркала «злобного-презлобного тролля». Выбила самые крупные, из «оконных рам», вымела часть мелких, со всеми мне, конечно же, не справиться – слишком уж было чудище «стоозвонно» и слишком «лаяй». Но они будут вымываться сами из глаз – я в этом уверена.

Чудище топтало, рычало, винило, судило, лечило, учило, сетовало, советовало, но не смогло произвести на свет ни одного аргумента – НИ ОДНОГО ни с одной стороны, который мог бы хоть как-то позволить усомниться в фактах и выводах публикации о страшном явлении – «группах смерти». «Разжимаю кулак дую ничего нет...»

Но повлияла ли эта кричащая пустота на ход событий? Да. «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой», – говаривал Геббельс. В ситуации с публикацией «Группы смерти» ложь была повторена не одну тысячу раз. Снова повылезали, почувствовав свою полную безнаказанность, попрятавшиеся было на дно виртуальные фейс-контрольщики, снова назначаются даты судебных дней.

Знаете, как стали общаться с родителями погибших детей следователи в разных регионах России сразу после публикации? Предлагали им кофе и чай, записывали все подробности, объясняли, что Следственный комитет обязал все региональные подразделения проверить группы в соцсетях на причастность ко всем уголовным делам, возбуждённым по статье «Доведение до самоубийства». Вникали в то, во что прежде месяцами не хотели не то что вникать – даже слышать.

Теперь же, когда практически из всех щелей пришло послание: «Да что уж вы так активно взялись-то, общественное мнение вовсе не требует, а в суицидах детей виноваты родители», знаете, как они разговаривают?

– Найдите, кто экспертизу сделает, тогда, возможно, разговор дальше продолжим.

– Найдите фигурантов, которых мне будет за что притянуть. Нет у меня таких правовых норм, чтоб этих брать.

– На какую статью я вообще должен писать?

Давайте переведем этот разговор, например, в больницу. Что говорит врач больному?

– Найдите мне консилиум профессоров, тогда, возможно, и дальше будет разговор.

– Найдите мне точный диагноз. Нет у меня аппаратуры, МРТ, даже тонометра нет.

– На каком бланке я вообще должен писать рецепт? Нет таких бланков.

Это обобщенная картина ситуации, которая, по рассказам родителей, в июне происходила в Магнитогорске, Рязани, в Уфе и в других городах страны. Знаете, как продолжился разговор в одном из этих городов? Мать девочки, не выдержав, заплакала:

– Но почему вы теперь так отстранились, я же чувствую, вам как будто стало все равно! Вы же должны арестовать того, кто довел мою дочь до...

Следователь выдержал паузу и не мигая, глядя ей прямо в глаза, задал встречный вопрос:

– Кого арестовать? Вас?

Вот это и стало тем, что можно назвать полюбившимся многим словом «триггер», лично для меня, – написать часть книги о Зазеркалье № 2. Я все время о ней думала, но считала, что надо быть выше, потому что давно знала наизусть вот эти строки Киплинга: *«Владей собой среди толпы смятенной, Тебя клянущей за смятение всех. Останься тих, когда твое же слово Калечит плут, чтоб уловлять глупцов...»*

Но «плут», покалечив мое слово, поменял и реальность. Он уловил не просто «глупцов», а должностные лица. Сбил одну из главных целей публикации. Вот она.

Глава 4

Портрет явления

Публикация № 51 от 16 мая 2016 года

2399511 «Группы смерти» (18+)

С детьми в социальных сетях работают системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте. Мы насчитали 130 (!) суицидов детей, случившихся в России с ноября 2015-го по апрель 2016 года, – почти все они были членами одних и тех же групп в Интернете, жили в благополучных и любящих семьях. Новые смерти анонсированы там же. Как родителям распознать надвигающуюся беду?

Петр Саруханов / «Новая газета»

От редакции

Мы не могли не опубликовать этот текст – несмотря на «скользкость» темы с точки зрения российского законодательства, несмотря на ее запредельную тяжесть. Но этот текст **ДОЛЖНЫ ПРОЧЕСТЬ ВСЕ РОДИТЕЛИ**, чтобы успеть спасти своих детей от рокового шага, чтобы научиться распознавать малейшие симптомы надвигающейся трагедии, чтобы подсказать другим родителям, учителям. В этом тексте вы найдете подробную инструкцию, в которой важны все детали. Это во-первых.

Во-вторых, мы печатаем этот текст, чтобы наконец не просто закрипели шестерни правоохранительной системы, а чтобы они закрутились с бешеной скоростью, как не рабо-

тали никогда раньше. Потому что прямо сейчас, когда вы читаете этот текст, кто-то из детей может шагнуть за грань.

Мы передали все известные нам материалы в правоохранительные и следственные органы, известили Роскомнадзор и очень надеемся на их незамедлительную реакцию.

Люди как-то научились справляться с гигантскими свалками радиоактивных отходов, но, переселившись частично в сети Интернета, они их завели и здесь. Взрослые чаще всего заходят сюда, не получая излучения, поработают, пообщаются и выходят. Дети пошли за взрослыми и приняли болотные огоньки за свет, сбились с пути. Они на этих свалках дышат. А потом – уходят из жизни.

Свалка эта – огромное сообщество многочисленных групп в социальной сети «ВКонтакте», как закрытых, так и открытых, подталкивающих детей к суициду. Как в любых «профессиональных» сообществах, между ними есть свары и интриги, они друг друга обзывают шарлатанами, полагая, вероятно, что сами они – профессионалы. Только учитывая количество детей, посещавших эти группы и ушедших в итоге из жизни, профессионалы, как это ни кощунственно звучит, в этой области действительно есть. Но кто эти люди: духовные уроды, маньяки, сектанты, фашисты?

Это первый вопрос, который возникает сразу. И второй: для чего?

Версий много. Мы не знаем, какая из них верна. Все, что мы знаем теперь абсолютно точно, так это то, что с детьми работают взрослые люди – системно, планомерно и четко, шаг за шагом подталкивая их к последней черте. Работают со знанием их пристрастий и увлечений, используя любимую ими лексику и культуру. Работают со знанием психологии, внушая девочкам, что они «толстые», а ребятам, что они – «лузеры» для этого мира. Потому что есть иной мир, и вот там они – «избранные».

Здесь самые «безобидные слоганы» вот такие: «Лучшие вещи в жизни с буквой «С» – семья, суббота, секс, суицид». Песни типа: «...мы ушли в открытый космос, в этом мире больше нечего ловить». Вопросы: «Сколько унылых будней ты готов еще так просуществовать?» Картинки: рельсы, надвигающийся поезд с надписью «этот мир не для нас». Фото: дети на крышах с надписью «мы дети мертвого поколения»... И самое главное: родители погибших детей просто не замечали никаких изменений. И мы публикуем этот текст для того, чтобы родители еще живых могли бы распознать те знаки, которые указывают на возможную беду.

...Один из спальных районов города в центре России. Мрачная, цвета светлой грязи одноподъездная высотка – жилой дом. Чтоб увидеть его крышу с земли, надо очень постараться – отойти подальше и сильно запрокинуть голову, так чтобы затылок коснулся шеи. Мы входим в лифт, поднимаемся на 15-й этаж, выходим на общий закрытый балкон. Смотрим вниз. Боковым зрением стараемся при этом не выпускать из своего поля зрения Ирину. Она сама вызвалась на роль гида, ведет себя активно-деловито, но в какой-то момент сильно побледнела и оперлась о стену, чтобы не упасть. Ей не нравится наше беспокойное внимание, она без конца повторяет, что с ней все в порядке, и читает вслух надписи на стенах. Ирина – мама.

Мы уже все что можно сфотографировали, но она находит то, на что не обратили внимания, говорит:

– Вот, то же самое было и на их страничках в этих закрытых группах «ВКонтакте», посмотрите, похоже на призыв, запишите. – И читает вслух: «Там в этом небе такие звёзды, я предлагаю не ждать утра. Нам, долбанутым, дорога в космос, вы оставайтесь, а нам пора...»

Позже мы выясним, что это строчки из песни одной популярной молодежной музыкальной группы, но именно здесь они действительно читаются зловеще и с особым смыслом.

Нам с трудом удастся увести Ирину отсюда, мы подходим к лифту.

– Здесь, – говорит нам она, – ее видел в тот самый день один из жильцов этого дома, есть его показания в уголовном деле. Описал, что была девочка с ранцем, когда двери лифта открылись, он спросил: едет ли она? Она отказалась, сославшись на то, что ждет подружку.

Подружек в этом доме у дочери Ирины, Эли, никогда не было¹.

Спускаемся с 15-го этажа – там, на крытом общем балконе, окна были устроены так, что открыть можно было только форточки. Теперь мы на 14-м, здесь широкие и высокие окна. Открыть их легко.

12-летняя Эля упала отсюда в декабре прошлого года. Здесь нашли ее куртку.

Она училась в седьмом классе школы, которую хорошо видно с этой верхотуры.

Ирина и здесь продолжает внимательно изучать надписи на стенах, только теперь уже молча. Как, в самом деле, это ей произнести, если вот написано: «Твой шаг будет последним». Ей хватает сил только на то, чтобы, прочитав, тихо заметить: «Нет, это не ее почерк!» И через паузу, рассмотрев среди не сочетаемых, но как-то уживающихся фашистских знаков и сердечек – все рядом, еще какие-то слова, повторить горестно: «Это тоже не ее».

Девочка нигде не оставила предсмертной записки, ни в бумагах, ни на своей виртуальной стене в социальной сети. Мама, возможно, ищет ее слова теперь на стенах каменных.

«Ваш ребенок мертв!»

Комнатка Эли: диван-кровать, на красном покрывале дружная компания плюшевых котов, мишек, собачек и двух больших кукол. Чуть поодаль грустный белый мишка, тоже плюшевый, но одинокий. Над письменным столом вся стена в почетных грамотах и дипломах – девочка играла на гуслях и прекрасно пела. Вместе со школьным ансамблем народных инструментов объездила несколько стран. Еще на стене – часы в виде сердечек и много детских фотографий: маленькая Эля хохочет, прижимаясь к папе. Есть снимки и посвежее, сделанные минувшим летом: анфас, специальное портретное фото, она старается смотреть серьезно. Но жизнерадостность все равно проникает, как яркое солнце бьет в щели занавесей, – здоровая, широколицая, благополучная, явно очень любимая в семье девочка. Все есть – папа, мама, бабушка. Четыре года назад появилась и младшая сестренка.

Сейчас малышка капризничает – дело к вечеру, ей хочется к маме, она не видела ее целый день, но мама говорит: «Поиграй с папой». Папа – бывший омовец, ему 40 лет, и он вышел на пенсию. С ним она все время. Маме – 37, она работает психологом-логопедом в одном из детских центров. Малышка ловит моменты, когда она дома. Но мама и сейчас «играет» не с ней, а с какими-то чужими взрослыми – с нами².

Мама сидит за столом Эли, включила ее компьютер и все время плачет, когда говорит.

А говорит Ирина, что в Тот день, как обычно, зашла будить старшую дочь в школу. Эля спросила: «Мам, я еще посплю 10 минут?» Разрешила. Потом, когда девочка поднялась, договорились, что вместе выйдут из дома, отведут младшую в сад и пойдут в школу, потому что Ирина как раз собиралась на встречу с классной руководительницей. Конец четверти и года, а у Эли, учившейся прежде всегда на отлично, появились тройки. И даже двойка.

– Но она ее исправила! – говорит нам Ирина, как будто это сейчас важно. – Она исправила, просто я тогда думала, что классная могла об этом не знать. И я собиралась ей сказать, что мы занимаемся вместе, все подтянем, все исправим.

Она уже надевала младшенькой сапожки, когда Эля пулей выскочила из дома, одеваясь на ходу.

– Мам, мне Настя позвонила.

¹ Все имена детей и их близких изменены, подлинные есть в редакции. – *Здесь и далее примечания автора.*

² Вместе со мной один из сотрудников.

– Так мы же вместе договорились...

– Нет, не могу, меня Настя ждет.

Настя – лучшая подруга Эли, и в школу они часто шли вместе, поэтому мать особенно не удивилась. **(Но запомните эту деталь – телефонный звонок.)**

Отвела младшую в садик, пришла в школу, зашла в класс старшей. Увидела Настю, спросила: «А где Эля?» Та смотрела на нее глазами, полными ужаса, вся тряслась и без конца повторяла: «Я не знаю!» Ее ужас передался матери.

– Как не знаешь, вы же вместе шли?

– Нет, не знаю, я ее сегодня не видела.

Ирина стала спрашивать других одноклассников – Элю никто не видел. Она стала звонить дочке, ответа не было. Вошла классная руководительница и начала разговор со странной фразы:

– Вы понимаете, что мы ее теряем?

В этот момент телефон в руках матери зазвонил – запел песенкой мамонтенка, это значило, что звонит именно Эля, она сама когда-то поставила ей этот рингтон на свое имя. От сердца отлегло: наконец-то.

– Доченька, ты где?

– Это не доченька, это врач «Скорой», ваш ребенок мертв.

Именно так врач сразу и сказала, будто ей кто-то дал команду – стрелять словами только на поражение.

Мы молчим, пытаюсь это осмыслить, и проходит, наверное, минуты две, прежде чем нам удастся вернуть Ирину к разговору. Спрашиваем: что всему этому предшествовало? Замечала ли Ирина перемены в дочери? Что с ней происходило? Почему классная руководительница сказала такую страшную фразу: «Мы ее теряем!» – как раз в тот самый момент, когда Эля погибла? Могла ли она что-то знать? Или это роковое совпадение?

Разбуди меня

Перемены были, но они казались обычными подростковыми проблемами – влюбилась в одноклассника, в которого, так же как и она, влюбились еще три ее близкие подружки. Но он встречался именно с ней, а потом они сильно поссорились. Эля **казалась себе полной**, почти ничего не ела, кроме салатиков. Как раз в Тот самый день, 25 декабря, папа, ничего не подозревая, ранним утром купил ее любимые продолговатые помидоры...

Последние месяцы девочка **все время хотела спать, хотя ложилась вовремя**. Ирина проверяла, заходила к ней в комнату через час, а потом и через два – ребенок спал. Потом приходила будить утром – не добудиться. Приходилось все чаще из-за этого пропускать школу.

Теперь Ирина понимает, что на самом деле происходило: «ВКонтакте» есть (сейчас уже нет) группа под названием «РАЗБУДИ МЕНЯ В 4.20». (У самого этого названия есть своя история, но она не имеет никакого отношения к этой теме.) В группе 239 862 подписчика.

– Я не знаю, как детей будили, но факт, что практически все ее пребывания в чатах групп, призывающих к суициду, начинались именно в 4.20 и заканчивались в шесть утра, – говорит Ирина.

Мы входим в эту группу, видим безобидные картинки собачек хаски, советы, как сделать стрелку на глазах, как легко снять лак с ногтей. И только потом – приглашение: «*Ты девочка? Тебя предали друзья? Бросил парень? Часто слушаешь грустную музыку? Тогда подписывайся на «Киты плывут вверх»*». Все так мило и будто бы безобидно.

– Вот и я так думала, когда месяца за два до этого страшного дня заметила, что Эля стала часто **рисовать бабочек и китов**, – вспоминает Ирина. – Умилялась, как красиво у

нее получается. Думала: сколько у дочери талантов. Ни на секунду не приходило в голову ничего тревожного. Как я могла догадаться, что вот такая у них символика сегодня: бабочки живут всего день, киты выбрасываются на берег, совершают суицид?

В «ВКонтакте» групп, в чьих названиях присутствует слово «кит», великое множество. Кроме уже названной «Киты плывут вверх» есть «Космический кит», «Белый кит», «Китовой журнал», «Море китов», «Океан китов», «Летающий кит» и так далее. Вот фрагмент записи в одной из них, она сделана за два дня до гибели Эли: *«Тебе никогда не понять, каково это – жить, будучи таким огромным, таким величественным. Киты никогда не станут думать о том, как они выглядят. Киты мудрее людей. Они прекрасны. Я видела, как летают киты. Это невероятно... Знаешь, от чего киты выбрасываются на берег? От отчаяния».*

Ирина продолжает вспоминать о переменах, которые произошли в поведении дочери в последние месяцы. Она говорит, что **из кухни пропал нож**, дня три его бабушка искала, а потом нашла в комнате Эли, вот здесь, на диванчике. Для чего?!

– Бабуль, ну это мода такая, и Настя с собой носит, и весь класс, – объяснила девочка.

Мы входим на страничку Эли «ВКонтакте», здесь главный слоган: «Где мой нож?»

Маме теперь уже удалось войти во все ее переписки, она показывает: вот Эля общается в чате с Настей месяца за два до трагедии, спрашивает: «Если я умру, ты удалишь меня из друзей?»

Настя: «Ну, во-первых, ты не умрешь».

Эля: «Ага, да».

Настя: «Во-вторых, нет».

Эля: «Почему не удалишь?»

Настя: «Ну не задавай тупых вопросов, очень плохо и так».

И присылает Эле фото **руки с порезами**. Непонятно, ее ли это рука – или фото скачано из Интернета.

Эля пишет: «Зач»³.

Настя: «Просто».

Эля: «Тупо как-то, просто без повода».

Настя: «И что плохо, почему бы не **поцарапаться**».

Эля: «Потому, что это тупо, само слово поцарапаться».

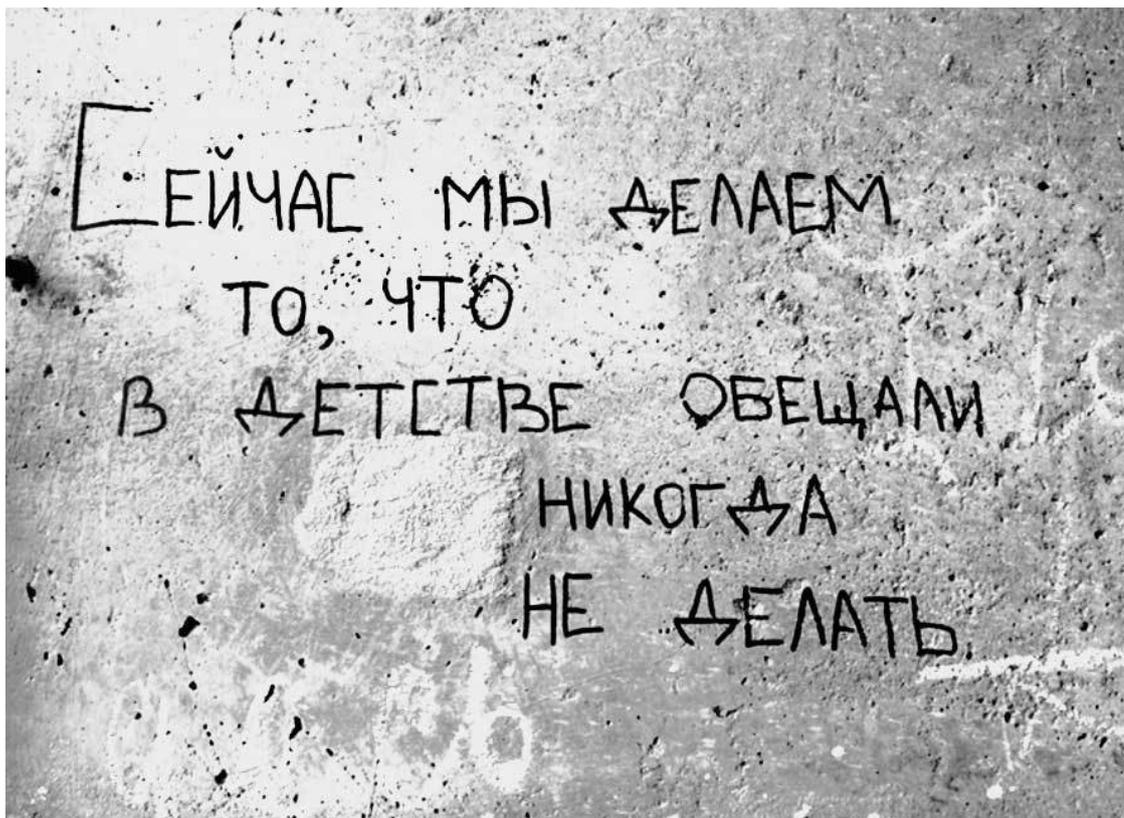
Настя: «Порезаться».

Эля: «Было бы прямо так плохо, вскрылась бы... А то, что вы с Олькой делаете, как-то бессмысленно, нет?»

И сама присылает ей фото сильно изрезанных рук. «Это краска», – сразу догадывается подружка. «Ты серьёзно, порванной кожи в местах порезов не заметила, сразу запалила», – отвечает ей Эля.

– Эля всегда так рассуждала, видите, она иронизирует, на ее фотографии нет никакой порванной кожи, это рисунок, – говорит Ирина. – **Если вы посмотрите руки да и ноги школьников, они очень у многих сегодня разрисованы шрамами – мода такая.** Так и мне казалось, так и все родители считали... Мне директор школы потом говорит, что Эля у вас давно хотела умереть, и в лагере уже травилась, и руки резала. Но в лагере Эля не была! А если бы действительно порезала руки, как бы мы этого могли не заметить? Ничего подобного не было. Объясняю ей это, а она мне: «Я все равно в управлении образования так скажу». Ей надо прикрыть себя, но зачем наговаривать на ребенка?

³ Зачем.

Надписи на стене в подъезде дома, где ребенок выбросился из окна. Фото: Галина Мурсалиева / «Новая газета»

В феврале в город приехали журналисты из Москвы снимать сюжет, и вместе с ними Ирина пришла к классной руководительнице. Спросила у нее прямо под камеру: «Скажите, зачем вы меня вызывали и сказали, что мы ребенка теряем?» В передаче вырезали ее ответ: «Я не буду давать вам никакой информации», – показали только, как она возмущалась тем, что ее не предупредили о съемке, что она «в полудомашней одежде».

– Представляете, о чем ее мысли, когда в классе, которым она руководит, погиб ребенок?! Дети из класса Эли почти все «висели» в этих страшных группах «ВКонтакте» и вели разговоры в чатах по ночам, когда родители спят, – говорит Ирина.

– Вы все ходите-ходите, а помочь ничем не можете, – произнес кто-то в этот момент откуда-то из-за наших спин.

Мы оглянулись, это была бабушка Эли. Неизвестно, как долго она стояла в дверях и прислушивалась. Мы беспомощно покивали ей, и Ирина продолжила:

– О том, что Эля собирается что-то с собой сделать, знали многие в классе. И классный руководитель, должно быть, знала, кто-то из девочек, видимо, что-то ей сказал, и она, возможно, хотела мне это донести: «Мы ее теряем!» И не договорила...

Мы слушаем Ирину очень внимательно, но дальше уже мучительно пытаемся понять, что она имеет в виду. А она теперь говорит о характеристике на Элю, которую классная руководительница могла испортить, «притом, что Эля же даже написала стихотворение, к юбилею города. Классная и не могла иначе – дала в итоге хорошую характеристику, написала, что девочка училась на пятерки...»

– Куда характеристику? – недоумеваем мы.

– В следственный отдел, – поясняет Ирина.

Посмертную? Поняв, что все именно так, что уже и за это тоже переживала мать, мы сидим совершенно подавленные – потеряли нить разговора. В наступившей тишине снова заговорила бабушка:

– Вот вы сидите, вам тяжело, да? А как нам тяжело? Мы только плачем каждый день, плачем и плачем.

Сказав это, бабушка постояла в дверях и медленно-медленно стала уходить. Страшный день ее согнул, ударил по ногам, она почти перестала их чувствовать. Передвигается из комнаты в комнату чуть не по четверть часа. Но пока мы здесь сидим, она еще придет несколько раз. Ее так же, как и малышку, тянет и к Ирине, и в комнату Эли. Пусть даже и нет девочки, но здесь хоть что-то происходит, связанное с ней. Малышку перехватывает папа, веселит, занимает игрой, и уже буквально через минуту доносится ее веселый смех. Бабушка тем временем все еще бредет в свою комнату, молча...

Ня.Пока

«Минус один, ты следующая» – такое личное сообщение в «ВКонтакте» пришло в день похорон Эли ее ровеснице и соседке Наташе. Такие слова именно в такой день воспринять как юмор, пусть даже и черный, сложно. Перепуганная девочка показала это маме. Мама – близкая подруга Ирины и довольно-таки продвинутый компьютерный пользователь – тут же взялась исследовать, кто прислал. Выяснила в течение пары часов – старшеклассник той же школы, в которой учится Наташа. «Шуточка» удалась, благодаря ей мать девочки с Того дня практически не выходит из огромного множества групп «ВКонтакте», так или иначе призывающих детей к суициду. **Их не меньше полутора тысяч.**

Она позвала на помощь еще одну общую с Ириной подругу, тоже маму школьника. Засели вместе, пытались и Ирине рассказать о том, что им уже удалось выяснить. Но Ирина на тот момент не была еще в состоянии воспринимать какую-либо информацию. Ничего не видела и не слышала. Сознание было непроницаемым.

Услышала подруг под Новый год, 31 декабря. Первое, что услышала, было имя – **Рина**. Оно проникло в сознание сразу – она слышала это имя от Эли. Это началось в начале декабря и повторялось несколько раз:

– **Мам, когда у меня будет дочка, я хочу назвать ее Риной, правда, красивое имя?**

– **Ну, хорошее, да. А почему именно так?** – улыбалась мама.

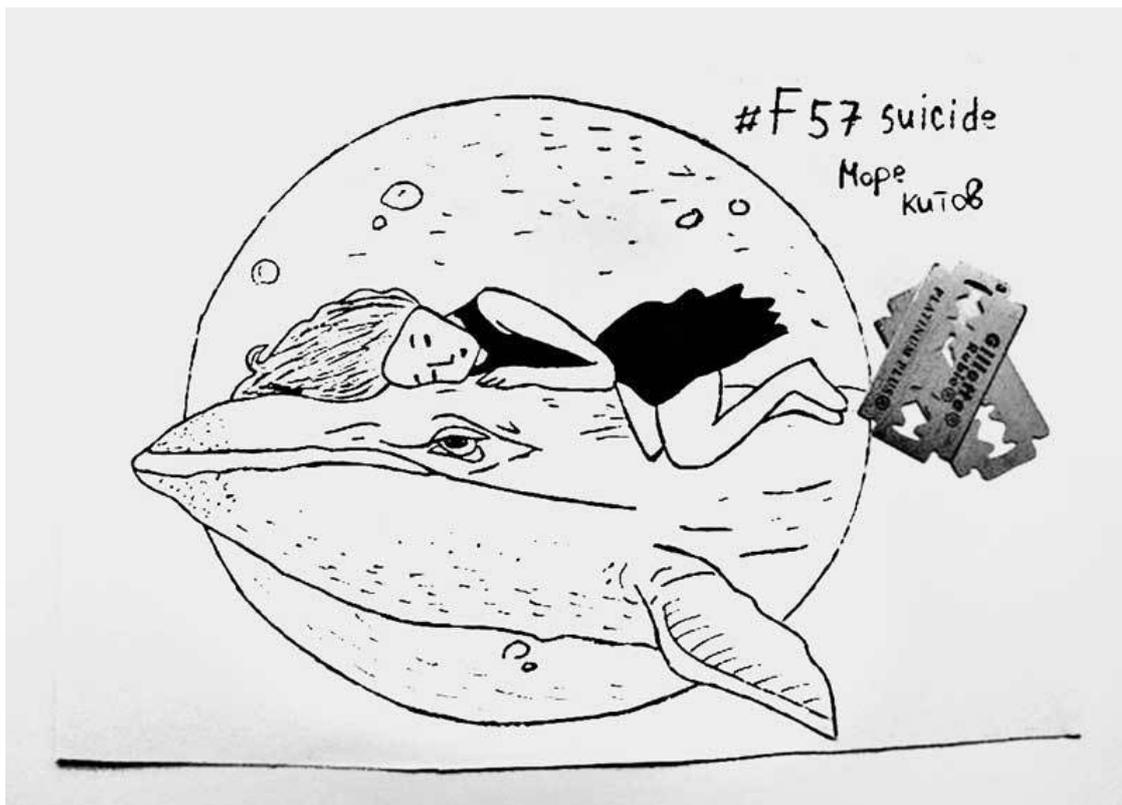
– **Просто нравится...**

...23 ноября 2015 года в одном из сибирских городов 16-летняя Рина⁴ легла на железнодорожное полотно. Она это сделала буквально в нескольких метрах от движущегося в ее направлении грузового поезда. Машинист предпринял экстренное торможение, но остановить состав не смог.

Фото искромсанного тела девочки **было выложено в Интернет почти мгновенно**. Социальные сети взорвались, школьники из групп «с китами» совсем перестали спать по ночам. На ее страницу в «ВКонтакте» пришли тысячи детей. Записи «Рина, ты лучшая! Как жаль, что я тебя не знала, ты мой герой, я тебя люблю, у тебя такие глаза, ты как будто сошла к нам с аниме» множилось и множилось. Фотография Рины – озорной девчонки в малиновой шапочке, шарф закрывает ей пол-лица, рот и даже половину носа, – превратилась для детей в «икону». А сама она и ее прощальное «Ня.Пока», опубликованное на страничке в сети⁵, – стало безусловным мемом.

⁴ Имя, известное в сети, подлинное есть в редакции.

⁵ По другой версии – отправленное в СМС любимому мальчику.

Творчество подростков из многочисленных групп для «китов»

«Ня» в Японии звучит как русское «мяу», часто используется в аниме у персонажей с «кошачьим» игривым поведением. Дети любят аниме и грустные песни, например такие: «Ня.Пока. Летит голова от любви моей... Возможно, ты узнаешь, как я умру». С ноября дети любят Рину – они слушают и выкладывают на своих страничках те песни, которые слушала она. Они рисуют Рину вместе с китами. Пишут ее имя и ее слова в школьных тетрадках и на стенах домов. Мы видели это на стенах той самой высотки, откуда ушла из жизни Эля. И в ее школьных тетрадках.

Суициды несовершеннолетних были и до того, как случилась трагедия с Риной. Почему именно она превратилась в символ? Если посвятить теме много времени, можно увидеть, как тщательно спланирована была «раскрутка» смерти Риной. За перепосты о ней платили, на многочисленных клонах ее страниц в Интернете администраторы сетевых групп приглашали: «Хотите купить – регистрируйтесь». И предложено и востребовано было все: видео и фото с могилы, кусочки шарфа с кровью, скрины ее переписок.

Мне удалось разыскать телефон мамы Риной, я позвонила ей. Она как будто этого и ждала, говорила, не переставая, плача, сплошным монологом:

– Конечно, то, что случилось, невыносимо. А то, что из этого сделали в Интернете, уже просто убивает. Рина – обычная девочка, у нее не было никакой такой славы. Кто-то делает ее смерть популярной, превратили наше горе в какое-то шоу. Ставят ее фото, где у нее вместо головы – поезд, что-то кричат, снимают видео на ее могиле! Я ничего не понимаю... Еще теперь много пишут и говорят, что история выдуманная, что Рина жива. Ах, если бы это было так, я не шла бы теперь после капельницы из психиатрической больницы... Не жила бы только на одних антидепрессантах. Рина погибла. И фотографию, где ее тело отдельно, а голова в стороне на рельсах, выложил в Интернет следователь. Сразу, как только все случилось. Даже я еще не знала, что с моей дочкой, а все уже обсуждали это в сетях...

Следователя, фотографирующего из машины мою истерзанную девочку, снимали на айфон другие люди. Я считаю преступлением то, что он сделал, и хочу подать на него в суд⁶.

Еще мама Рины рассказала, что ее сын, который намного старше дочери, уже много лет живет в другом городе, поэтому девочка воспитывалась как единственный ребенок. Мать крутилась на двух работах – страховала автомобили в одном месте, а в другом «лепила пельмени», только чтоб у Рины было все – и айфон, и планшет, и модная одежда. Девочка была улыбочивой, светлой. Прекрасно танцевала, пела, была в составе школьного кружка на гастролях в Корее и Таиланде.

Проблемы начались год назад – влюбилась в парня, который, как говорит мать, только и делал, что вымогал у нее деньги и очень грубо с ней обращался. Рина **перестала нормально есть, решив, что она полная**, проколола нос и губу, **не спала по ночам** – в ушах наушники, в руках планшет. Зайдешь в комнату – не дозовешься, увидит и сразу: «Мама, не мешай! **Я в игре!**»

Накануне трагедии она полночи переписывалась с подружками. Мать уверена: они не могли не знать о том, что может произойти:

– Такси по городу стоит всего 100 рублей. Приехали бы, отговорили и мне бы намекнули, чтоб спасти... Никто не помог, только все на ее имени пиарятся. Мне сказали, будто **день ее смерти кем-то назначен был**. Я не знаю, кем и что это вообще такое. Вспоминаю последний день, сели вместе, поели. Она вышла из дома, как обычно, **с кем-то говоря по телефону**. А там вот **куртку сняла**, аккуратно сложила и...

...Много похожего с историей Эли. Если бы только с ней. Мы, конечно, не могли внимательно изучить все 130 случаев суицида детей за последние полгода – с ноября 2015-го по апрель 2016-го. Но мы готовы назвать десяток случаев, когда школьники, прежде чем сделать свой последний шаг, например, снимали куртки.

Ирина, мама рызанской школьницы Эли, убеждена:

– Дети следовали инструкции закрытых групп «ВКонтакте». В них черным по белому написано: чтобы прыгнуть, вы должны снять куртку⁷... и так далее.

Это далеко не единственная инструкция детям, которых готовят к **«выпиливанию»**. Так на каком-то странном сленге, присутщем именно этому контенту, говорят о суициде. Например, вот в закрытой группе F57 пишет Ева Рейх: *«Люди. Го⁸ выпиливаться. Осталось 38 дней из 50. жду в лс⁹»*.

Не старайтесь запомнить имя Ева Рейх – «рейхов» в этих бесчисленных группах бесчисленное множество – Виталий Рейх, Александр Рейх и т. д. Ко всему прочему Ева Рейх легко переходит в «тело» Мирона, часто меняющего фамилии. Так что если здесь и обращать внимание на что-либо, кроме самого призыва – «Го выпиливаться», – так это на цифры. Почему было именно **50 дней и осталось всего 38?**

Следствие ведет мама

На 15-й день после гибели Эли, в один из последних дней школьных новогодних каникул, с крыши другого высотного дома в этом же городе упала 16-летняя Аня. Девочка скончалась в машине «Скорой» по дороге в больницу. Позже отец нашел в файле ее мобильного телефона книгу «50 дней до моего самоубийства». Автор Стейс Крамер говорит в предисловии о том, что никого не призывает к суицидам. Просто когда человеку плохо, такая мысль

⁶ Фотография следователя, снимающего из машины части тела Рины, имеется в редакции.

⁷ Не будем приводить никакой мотивировки, которая, конечно же, есть в этих группах.

⁸ Go – ход, to go – идти.

⁹ Л.с. – личное сообщение. Эта запись, как и многие другие, уже стерта, но скрин есть в редакции.

не может не посетить его. В такие моменты надо дать себе 50 дней, чтобы решить точно, чего ты хочешь: жить или умереть? По сути, это так и есть, книга вовсе не источает каких-либо зловещих подстрекательств, это скорее исповедь подростка, находящегося в кризисной ситуации. То есть книга сама по себе не опасна. Но так же как в ситуации с Риной, книгу раскручивают специальные сайты и закрытые группы «ВКонтакте». Они упирают не на суть, а на цифру в названии, и делается это примерно так: «Тебе плохо? Хочешь умереть? Возьми свои 50 дней, время пошло». Если посмотреть на вещи с точки зрения психотерапевтической – это даже хороший совет. За 50 дней не только у подростков, но даже у взрослых все может поменяться. Но подростка в закрытых группах с этого мгновения, когда «время пошло», больше просто уже не отпускают. Как это происходит?

Давайте вспомним, что мама погибшей девочки Эли включилась в расследование 31 декабря. Она рассказывает:

– Поначалу мы вместе с подругами тыкались в эти группы, как слепые котятка, бегая по ссылкам туда-сюда и ничего не понимая. Заводили новые страницы, представляясь школьницами, но нас нигде не принимали. Но потом мы нашли одну фейковую страницу погибшей девочки – многие дети, имея одну свою, заводят дополнительные под другими именами, о которых мало кто знает. Мы подобрали пароль и с этой страницы стали писать, она вызвала доверие, поскольку была в сети давно. Меня – «школьницу» – сразу стали приглашать в закрытые группы и забрасывать личными сообщениями. Самое первое я помню наизусть: *«Здравствуй, моя хорошая, держи моё чистосердечное! Я буду любить тебя всю зиму. А зима будет вечной»*. Это был сайт «Безлимитный трафик», он уже закрыт. Но переписку я сохранила.

Вот мне потом пишет Ева-Мирон: «Эй, кис, что случилось?» Я в ответ специально пишу на сленге и с ошибками, как школьники. Называю лекарство, которое они, как выяснилось, рекомендуют девочкам для похудения, пишу, что наглоталась его, чтоб умереть. И получаю ответ: «Почему все суицидники такие тупые? С высотки сигани». И кто-то еще пишет: «Я б прыгнула, но еще 28 дней... их было 50». Я прошу рассказать мне, в чем смысл. Ответ: «Мы все разбиты, только у кого-то маленькая трещина, а у кого-то превратилось в пыль осколков».

Они все – организаторы и администраторы этих страниц – так и пишут напыщенно-многозначительно-косноязычно. Обращение к школьникам тоже всегда примерно такое: «Эй, кис!» Или еще глумливее: «Слушай сюда, школота!», «Какие еще есть вопросы, децелы?» Такая вот лексика.

Расследование тем временем пошло. Ирина стала регистрироваться на всех сайтах, где были Рина, Эля и землячка Аня.

– Эля с Аней никогда не были знакомы, мы живем в разных концах города, но группы они посещали одни и те же, – продолжает Ирина. – На личной странице «ВКонтакте» у Ани такие же **фото порезов на руках** и похожие картинки. Например, **девочка на крыше с поднятой рукой** и подписано: «Прыгай с крыш, Зай, это весело».

Ирина стала вступать в сообщества по ссылкам, шла туда, куда приглашали. Как приглашают? Так же примерно, как группа «Разбуди меня в 4.20» зазывала детей к китам. Тексты приглашений несколько варьируются, например вот так:

«Записки сумасшедших»

Тебя бросил парень? Устала от учёбы?

Часто сидишь в Вк? Никто не пишет?

Загляни в Темная сторона меня, там кое-что есть для тебя»

Дальше вы щелкаете по «Темной стороне», читаете пару-тройку «темных» постов и снова – приглашение, только теперь уже заглянуть надо в группу под названием «В мертвых

найках». И так дальше и дальше, пока не получаете приглашение в группу закрытую. Здесь «мелкая формальность», она описана в объявлении: *«ВНИМАНИЕ! Если вы хотите вступить в группу, то у вас должен быть указан возраст 18 и более лет либо не указан вообще»*. И дальше следуют названия групп с такими правилами: *«#f57 #f58 #тихийдом #рина #няпока #киты #морекитов»*.

Дети умеют слышать главное: если тебе 12, как было Эле, или 16, как Рине и Ане, ты можешь не указывать свой возраст **ВООБЩЕ**. Они и не указали – все честно. Не указала и «школьница Ирина». И ее пригласили в **интерактивную игру**. Мама пошла по следу погибшей дочери и сразу поняла, что ее ребенок не мог не повестись на такой кладезь чего-то зашифрованного, таинственного и романтического. Куча символов и цифр, картинки с непонятной графикой, но явно в себе хранящие какой-то закодированный смысл.

Все дети, кто сюда попадает, ведутся. Но не так все просто. Им еще нужно держаться за свои места.

Прислать сначала свои рисунки или рассказы с подписью «Ня.Пока». На уровне втором прислать фото в альбом, который называется «ваши порезы/шрамы». Для этого есть и стишки, они разбросаны по этим группам так, что не наткнуться на них невозможно. Например: *«закрой уши, никого не слушай. режь себя, ну же. ты никому не нужен»*. Или просто призывы, без рифмы, например, пишет группа: *«киты плывут вверх. Любишь все запретное? Порезы и кровушку? Жми на нож»*.

...Мы прошли по многим, очень многим личным страничкам «ВКонтакте» детей, по факту гибели которых возбуждены уголовные дела по статье 110 УК РФ «Доведение до самоубийства»¹⁰. Там всюду выполнены эти далеко не школьные домашние задания – фото изрезанных рук и творчество, посвященное Рине.

– Я как дошла до этого, подпрыгнула на стуле, – рассказывает Ирина. – Вы помните переписку Эли с подружкой Настей? Вот, оказывается, откуда все бралось. **Они выполняли задание!** И только если выполнили, их брали на третий, самый заумный уровень. И меня взяли, я ночами сидела, разгадывала все символы, потом вместе с программистами многое поняла.

Ирина показывает нам то, что ей удалось расшифровать, нам все эти предложения показались претенциозной абракадаброй¹¹.

...Ирина пошла с этой информацией к следователю – по факту гибели Эли, конечно, тоже было возбуждено уголовное дело о доведении до суицида. Следователь информацию приняла к сведению, согласилась с Ириной, что происходит что-то страшное. Но Ирине кажется, что следователь работать могла активно по этому делу только первую неделю, а дальше человека завалили новыми делами.

Ирину не заваливает ничто: она продолжает идти по следу дочери и пытается уберечь от последних шагов школьников по всей стране. Три мамы (Ирине продолжают помогать подруги, у которых дети-школьники) докопались до многих выводов. Например, они узнали, как действует этот дьявольский механизм, призывающий детей к суицидам уже на третьем уровне «игры».

– Там повсюду было написано, что «Надо готовиться, у нас осталось всего 6 дней». Сначала меня спросили: «Ты точно умрешь?» Я не сразу ответила. Стали мне писать: «Ну не умирай или ты правда?» – рассказывает Ирина.

Дальше, как только «школьница» ответила: «конечно, но пока я не совсем готова», к ней чуть ли не моментально стали добавляться в друзья целыми партиями разные люди. Каждый начинал с ней переписку, она не спала две ночи подряд, отвечала. Делилась сво-

¹⁰ Так всегда поступают, когда дело похоже на суицид, если речь идет о несовершеннолетних.

¹¹ Мы не станем приводить здесь эту расшифровку, она имеется в редакции.

ими догадками: «вот эти цифры расшифровала, а эти пока нет». Все вокруг точно так же и поступали. Но некоторые, высмеивая ситуацию, их сразу удаляли, то и дело появлялась надпись «минус один». Те, кто продолжал разгадывать задания всерьез, все были приняты в закрытую группу. Было 49, взяли 34.

Шесть дней, шесть ночей, или Кит № 34

Ирина продолжает свой рассказ:

– И вот всех нас пригласил в «конфу»¹² некто, на нике которого был такой знак:

(Этот знак можно встретить во всех закрытых да и во многих открытых группах, уделяющих много места теме суицида. Этот же знак мы видели на стенах высотки, откуда выпала Эля. Если внимательно взглядеться, читается по горизонтали слово «оно»)

И сказано нам было: «Ну, здравствуйте, мои близкие, но далекие братья!»
Все мы поздоровались, и дальше появилось вот это...

¹² «Конфой» – конференцией – называют в «ВКонтакте» одновременное общение сразу нескольких участников группы.

Мы смотрим скрин странички «F57 Мы видим все». Читаем: *«Добро пожаловать. За любое лишнее действие вас здесь больше не окажется. У вас есть всего 6 дней. Вам нужно найти ключ к последнему дню. День первый. Спустя 144 часа все окончится как для вас, так и для всех остальных. Луна полная. Осталось несколько дней. Небеса спустятся на землю. А-н-т-а-н-у-м...»* Далее идет картинка с каким-то перерезанным животным, истекающим кровью, и продолжение текста: *«Самоубийство лишь начало. Нам нужно было ее тело в качестве вместилища для одного из нас. Спустя 6 дней, когда взойдет луна, подобное охватит все. Нет. Ваше самоубийство лишь спровоцирует пополнение наших рядов...»*

В какие-то моменты мы забываемся, и нам хочется захлопнуть все эти странички со словами: «Да пошли они все!» В самом деле, это нагнетание чего-то страшного, это бесконечное косноязычие и очевидная постановочность выглядят очень тупым розыгрышем. Глупейшим фарсом. Если бы не место, где нам все это показывают.

А мы по-прежнему находимся в комнате Эли. И мы помним о том, что случилось с Риной и Аней. Мы знаем еще про погибших за каких-то всего полгода 130 детей. Из которых как минимум 80 проходили все эти игры. Возможно, проходили и остальные, но это надо проверять.

И мы продолжаем читать того, который «видит все». А он дает подсказку к своему зашифрованному бреду – длинной строкой сплошные нули и единицы. Потом снова тот же знак, с которого «ОНО» объявилось, и объяснение: *«Это не просто картинка. Это рарж-пег. У вас мало времени».* И снова – шифры. И снова подсказка: *«Перебирайте все возможные варианты. На данном этапе все элементарно. Не идите в одном направлении – оно приведет вас в тупик...»*

– И все дети ковыряются, думают, пробуют и на английской клавиатуре понять, что это за буквы нам даны, – рассказывает Ирина. – А потом одна из девочек в «конфе» пишет: «у меня осталось 4 дня». И я пишу: «привет, как лучше это сделать?»

Дальше вступила в разговор все та же Ева Рейх, общавшаяся с погибшей Элей: Ирине она теперь посоветовала броситься под колеса поезда. Другой девочке – дышать одним из химических средств, применяемых в быту. Самой себе как бы тоже подобрала вариант – «выпилиться» с помощью безобидного напитка, который многие из нас употребляют ежедневно. Тут же выложила подробнейшую инструкцию, как превратить этот напиток в яд.

«Никто не умрет собственной смертью», – заявила дальше Ева. «Все 37 человек умрут?» – спросил у нее кто-то из участников группы. Нет, как выяснилось, ищут самых «достойных».

Напряжение в общении нарастает, кто-то даже пишет строки «отче наш», а кто-то задает наконец давно напрашивающийся вопрос: «ЗАЧЕМ ВАМ ЭТО?» И мгновенно вылетает из группы, и снова запись «минус один». Почему? Потому, что «не встречай в разговор, если не понимаешь смысла», – поясняет разъяренная Ева, которая теперь Мирон. И тут же снова появляется «верховный жрец», который «ОНО», и пишет: «РИНКА ЗАХОДИЛА...»

То есть происходит грубейшая манипуляция смыслами и придуманными символами, превращенными тайными «кукловодами» в мем, – чушь в общем-то. Но дети, которые спят только по полночи и для которых Рина – кумир, принимают все за чистую монету. Здесь важно добавить, что вокруг кроме знака «оно» есть множество других странных знаков. А есть еще и записи на иврите, цифры, отсылающие к Корану, Библии и Торе и всевозможным деструктивным религиозным культам. Все отсылы связаны так или иначе с цитатами о смерти. В дополнение крутятся среди детей люди с никами опять же бесконечных рейхов, вольфов, с фашистской и сатанинской символикой. Все это под заунывную монотонную мелодию на очень низких частотах и кровавые видео. Шабаш, сеющий ужас и страх. Это как бесконечно длящийся теракт, который, по сути, так и переводится – ужас и страх.

Детям страшно и интересно, родители спят, ночь. Их разбудили в 4.20. Они теперь «киты». У них скоро появятся номера. Но их получают только те, кого пригласят: «Го в скайп».

Ирину тоже пригласили, но здесь уже она ничего не могла поделать – у нее не детское лицо. Со своей фейковой страницы «ВКонтакте» она могла лишь продолжать общаться с теми детьми, кто был вместе с ней в «конфе». О «китовом» своем номере обмолвился в диалоге с ней 13-летний мальчик. Она начала расспрашивать, а тот рассказал, что у каждого будет Судный день и **каждому дата, время и способ смерти будут назначены**. Она попыталась продолжить расспросы, но мальчика тут же отовсюду удалили. Он пропал.

Но если покопаться по ссылкам, то тему про «номера китов» найти легко. Вот, например, такая переписка¹³: девушка рассказывает, что ей дали номер 14. Ее спрашивают: «Он говорил, чтоб ты себя убила?» Она отвечает: ей сказали «пойти за Риной», уточнила: «Таким же образом?» Ответ: «Прыжок!» Девушка объясняет, что «должна была прыгнуть со здания», реально хотела это сделать, хотя до этого о суициде не задумывалась. Но потом сказала обо всем парню, а он «наорал, сказал все удалить...»

Почему вдруг захотела? Девушка объясняет: это началось после видео и песен, которые ей скинули из группы.

Мы вздыхаем с облегчением. Девочка жива. Но вот еще одно признание (*скрин также имеется в редакции, мы здесь специально не исправляем грамматические ошибки, это важно*). Пишет Филипп Ф57: *«я биоотход... я номер 34 спасибо за все прощай... мне в группе дали... они сказали что так будет лучше. Сказали, ты номер 34 ты должен не медленно покинуть этот мир кит. Мы ждем тебя там. Море китов просит ссылку на вас»*

Это пишет Филипп Лис, администратор группы «Море китов» и активный помощник в раскрутке многих других злокачественных групп «ВКонтакте». В сети гуляет версия о том, что для него все это – черный пиар, что он хочет таким образом раскрутить свои треки, тогда любой психиатр вам разъяснит, что налицо диагноз – «эмоциональная дефективность». Очевидно, что дело явно не только в этом. Потому что треки свои он рекламирует с меньшей активностью, чем пропагандирует суицид. Вот одна из его старых записей: *«в том что с ф57 ты по знаешь смысл жизни быстро без ф57 ты по знаешь смысл жизни всю жизнь»*. Безграмотно настолько, что сложно продрагаться не только к «смыслу жизни», но и к смыслу сказанного. Но есть характерные ошибки, он пишет слово «познаешь» отдельно: «по знаешь», так же как слово «немедленно» – в призыве покинуть мир «не медленно». Прячась, он, по сути, выдает весь механизм того, что происходит с детьми, после того как их позвали «Го в скайп».

Но что же все это такое? Есть объяснение в еще одной закрытой группе, которая, если смотреть с точки зрения функциональной, – самая фундаментальная в тематике суицидов. Это – «Тихий дом», здесь сказано: *«Тихий дом | 27 .הרב ה'x דעק 2015. f56,57,58 – это не просто цифры, это даты смертей в Библии, тихий дом – ад и место хранения всех знаний, а море китов – море трупов»*.

Обратите внимание на дату записи: 27 декабря 2015-го. Давайте вспомним, что Эля погибла в конце декабря. И вот еще одна запись, она сделана за два дня до смерти девочки: «F57# 10 Избранных готовы». В комментариях кто-то ставит знак вопроса, кто-то ругается матом, но есть в них семь одинаковых ответов, и выглядят они так: «Иван Васильев – f57 ДышиТ». Дальше меняются только имена, к которым также приставляется вот это – «f57 ДышиТ».

Похоже на репетицию – Ирина помнит, как в «конфе», в которой она участвовала, давалась инструкция, как вести себя перед последним шагом: «Шаг дыши два шага не дыши... Корми своим дыханием мертвых».

¹³ Скрин имеется в редакции.

Но случаются и не репетиции, которые совпадают с датами анонсированной смерти.

Лисьи норы и вечные дети

Почему с этим никто не борется? Борется Роскомнадзор. Организация закрывает группы с призывами к суициду тысячами. Но это – такое решето: на месте одной закрытой тут же мгновенно возникают другие. Механизм отточенный, называется «Инвайт». В каждой из этих групп, как только они открываются, вывешивается объявление, например такое: «Инвайт в Madness. 100 руб. Пожизненный инвайт в частную группу. Скриньте ваши переводы или фотографируйте чеки. При возможном бане группы вы будете восстановлены при предъявлении...»

То есть дети сразу же знакомятся с тем, как не выпасть из группы, когда ее закроют. 100 рублей – и играйте в смерть дальше.

В апреле на «change.org» появилась петиция «Анти #f57 #f58 #морекитов #тихийдом», в которой люди жалуются, в частности, на очень странные группы с видео, фото и записями с шокирующим контентом. Приводится семь ссылок на эти группы, и ни одна из них уже не работает, все страницы закрыты Роскомнадзором. Но нет никакого «антракта негодяев».

Вот пишет **Мирон Сетх** (та самая Ева. А Сетх в древнеегипетской мифологии бог ярости, песчаных бурь, разрушения, хаоса, войны и смерти): *«Далеко не расходимся, ребята, скоро заработает резерв, мы восстановим видеозаписи, которые уже были. Добавляйтесь в друзья. Все новости будут на стене моей страницы. Ссылка на резерв: (ссылка).*

Резерв уже работает, прекрасно доступны все посты закрытой государством группы «#f57 Suicide», восстановлены все старые аудиофайлы и перезалиты все видео. В том числе и сцена самоубийства того самого «несчастливого кита № 34», который хорошо известен в сети как живой и здравствующий Филипп Лис. Видео этой «холодящей душу» инсценировки, где молодой человек лет тридцати трагическим голосом прощается со всеми, просит простить, а потом залезает в петлю и дрыгается, очень ритмично изображая конвульсии в такт звучащей здесь же музыки, посмотрели в «ВКонтакте» тысячи. Этому действию предшествовал анонс «выпилившегося», который появился за день до видео, вот как он выглядел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.